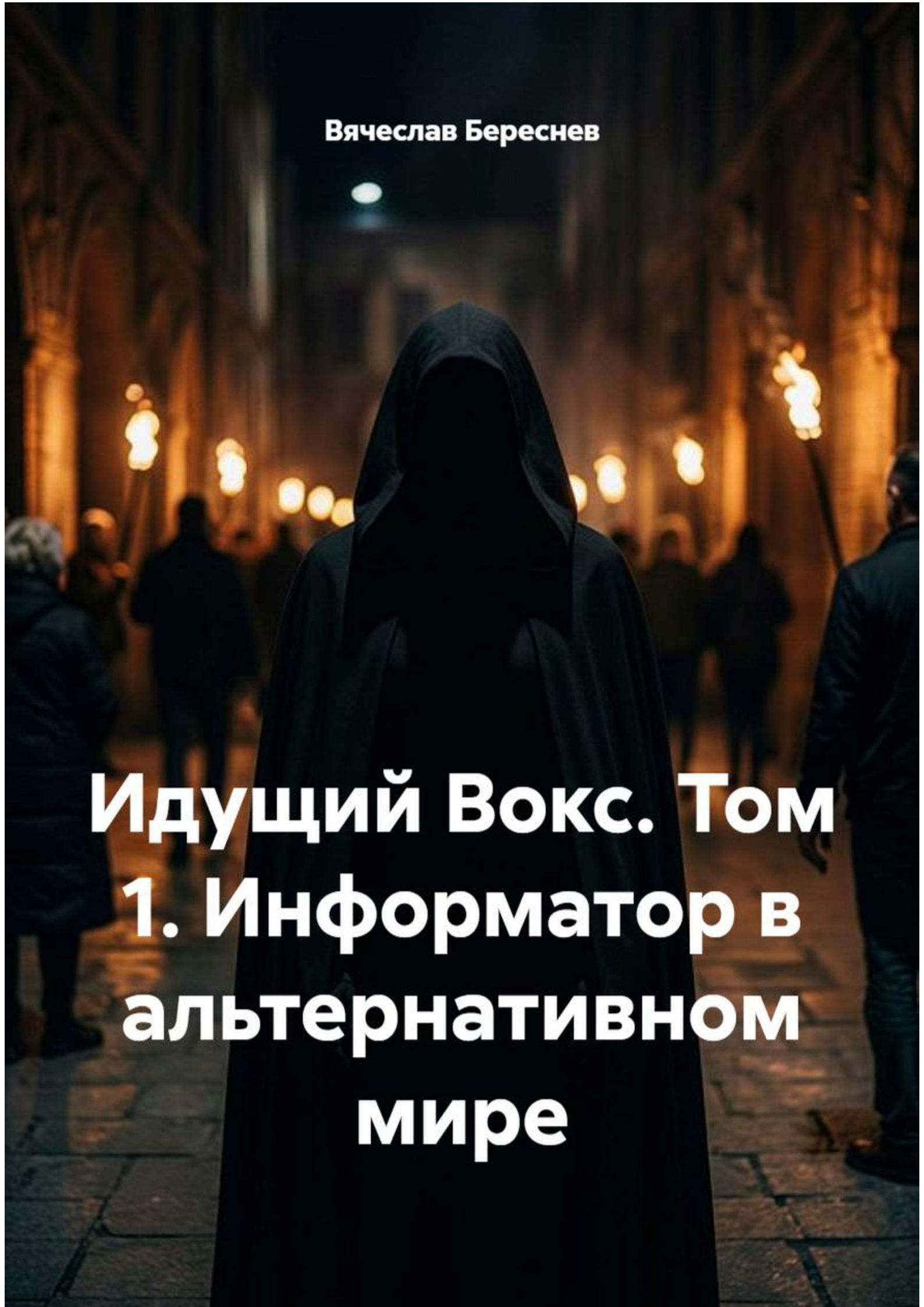

Вячеслав Береснев

**Идущий Вокс. Том
1. Информатор в
альтернативном
мире**

Вячеслав Береснев

**Идущий Вокс. Том 1. Информатор
в альтернативном мире**

«Автор»

2026

Береснев В.

Идущий Вокс. Том 1. Информатор в альтернативном мире /
В. Береснев — «Автор», 2026

Он — тот, к кому обращаются, когда идти больше не к кому. За хорошую цену он даст ответы на все интересующие вопросы, посвятит вас в тайны города Эбботимии, раскроет самые грязные секреты сильных мира сего и, возможно, даже подскажет, как сдвинуть шаткую чашу весов в ту или иную сторону. На улицах его зовут разными именами, но чаще всего называют Вокс. Он Идущий - прибывший из другого мира пришелец, выбравший путь не прогрессорства и бесконечной силы, а теней, тайн и секретов. Восставший против таинственного ордена Кальда, Вокс плетёт свою сеть, заключая договоры и контракты, раскрывая секреты, что приводят его врагов к гибели, а друзей — к процветанию... Но вот проблема: у информатора нет друзей.

Содержание

Глава 1. Синка и Финдер	6
Глава 2. Четыре заточки	15
Глава 3. Сёстры Латрис	22
Глава 4. Последствия и полискрипты	29
Глава 5. Немного о полискриптах	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вячеслав Береснев
Идущий Вокс. Том 1. Информатор
в альтернативном мире

Глава 1. Синка и Финдер

– Свежая рыба! Свежая рыба от Хотара Гааби!

– Одевайся в шелка, походка будет легка! Барышня, подходите, посмотрите накидки из Юдемии и Рионы!

Вежливо улыбаясь торговцам и стараясь не встречаться с ними взглядами, Синка подошла к прилавку с фруктами, присматриваясь к сочным красным яблокам, от которых исходил невероятный аромат. Увидев её интерес, продавец, тощий человек в цветастом дешёвом кафтане, едва ли утеплённом под конец осени, одарил Синку фирменной улыбкой:

– Свежие фрукты от Рамио! Спелые яблочки в самом соку!

Девушка про себя отметила состояние прилавка и фруктов на нём. Да, самые свежие яблоки, привлекающие клиентов, Рамио выставил напоказ, но они лежали вперемешку с мелкими и переспелыми. Корзины были старыми и потрёпанными, а простенькая вывеска, явно сделанная вручную, намокла от вчерашнего дождя и выцвела: её ничем не накрывали. В сумме от всего этого вида возникало какое-то тоскливое ощущение вперемешку с сочувствием к торговцу, который, несмотря на жалкий вид магазина, делал всё возможное, чтобы привлечь покупателей.

– Можно вот этих? – указала Синка на одну из корзин. Рамио бодро принялся собирать фрукты в сетчатый узелок.

– Столько хватит?

– Ещё парочку, пожалуйста.

Добрав немного, Рамио, широко улыбаясь – теперь уже куда более искренне – затянул узелок.

– С вас двадцать эбби, красавица. Делаю скидку за вашу очаровательную улыбку.

Синка изобразила скромное девичье смущение, даже выдавила из себя лукавый взгляд, отдавая Рамио горсть монет, которые исчезли из виду быстрее, чем появились.

– Всего доброго!

Отойдя к следующему прилавку, Синка задумалась, не купить ли свежих сахарных ватрушек, как Финдер любит – и краем глаза заметила, как к магазину Рамио подошли двое смуглых мужчин угрожающего вида, которые явно не собирались покупать фрукты. С её места не было слышно, о чём они говорят, но беседа явно была не из приятных. Рамио о чём-то упрасивал их, оглядываясь по сторонам, но окружающие торговцы, все как один, делали вид, что увлечены коммерцией и ничего вокруг не замечают. Один из мужчин без церемоний взял с прилавка самое спелое яблоко и смачно надкусил его, не сводя глаз с Рамио. Тот что-то лепетал, а затем, потянувшись под прилавок, отдал пришедшим несколько монет. Получив деньги, первый мужчина сунул их за пояс и тут же, отвернувшись, кажется, забыл, что Рамио вообще существовал – а второй вернул на прилавок надкусанное яблоко. То, что откусил, он, впрочем, тоже не стал уносить с собой, а выплюнул на землю, убедившись, что торговец это видит.

Синка, наблюдая за громилами, представила, как она, ловко подкравшись, срезает их кошель и, слившись с толпой, бесследно исчезает. Как, проходя мимо лавки Рамио, подмигивает, возвращая ему отобранные эбби, а затем бесследно исчезает. Она представила, как нелепо злятся бандиты, поздно сообразившие, что остались без наvara, а сама Синка чувствует, как восстановила справедливость, навела порядок, сделала жизнь маленького человека чуть лучше.

Сладкие мечты, не имевшие ничего общего с реальностью, ей пришлось с сожалением выгнать из головы. Даже если бы и получилось вернуть Рамио отобранное – обозлённые рэкетеры выместили бы злобу именно на незащитном торговце, и тогда всё стало бы ещё хуже, чем сейчас.

Противная мерзость от того, что она вряд ли сможет что-то с ними сделать, а ещё противный липкий страх перед их грубой силой, в какой-то момент одолели Синку и она помрачнела. Всего на миг её переносицу прорезала мелкая недовольная морщинка, губы сжались в тонкую полосу, а глаза сузились. Глядя в спины удаляющимся рэкетирам, она сделала глубокий вдох, сказав, что это не её, в конце концов, дело, и вновь заставила себя улыбнуться толстенкой продавщице пастилы.

– Вот эту, пожалуйста!

...Выйдя с рынка с корзинкой, полной продуктов, Синка накрыла её платком и, перехватив под руку, двинулась по шумным бульварам сквозь людское море. Район Третьей башни ей всегда нравился чуть больше остальных: ровные, ухоженные домишки, чистые улицы, освещённые по ночам (фонарщикам здесь платили на совесть), достаточно Стражи на улицах, чтобы бандиты не слишком дебоширили, а шумные таверны достаточно далеко, так что редкий пьянчуга мог сюда доползти. Да, пускай где-то у дома облупилась штукатурка, а у края канавы задремал какой-то потный бедолага – но всё же Синка чаще старалась обращать внимание на хорошие детали. Вот красная круглая птичка присела на парапет, вот у женщины очень красивое платье с переливом, вот её ребёнок, одетый с иголки, вцепился в руку матери и испуганно обходит лужу.

«Наверняка, дома за любые пятна его лупят.»

Каждое утро Синка с лёгким сожалением покидала этот район, спускаясь по широкой Главной Лестнице к воротам района Четвёртой башни. Стражей здесь меньше (и они намного равнодушнее ко всему вокруг), люди вокруг более суетливы, чаще встречаются бездомные, мимо семяят студенты, опаздывающие на лекции, компании шумных школьников, несчастные матери ругают своих отпрысков, пока вывешивают бельё. Лужи здесь были чуть шире и чуть глубже, чем у Третьей башни, так что по пути Синка встретила пару школьников, которые с каким-то остервенелым усердием мочили ноги и плескались.

«От учёбы это вас вряд ли спасёт.»

Синка прошла мимо узорного каменного фонтана перед школой, из которого плескались струйки воды. На каменной кромке сидела компания студентов, которые проводили Синку липкими взглядами, а потом вернулись к своему обсуждению – и разразились смехом.

В районе Пятой башни Синка старалась шагать как можно быстрее, делая вид, что ужасно спешит. Уже за воротами её встречали запахи рыбы, морских водорослей, влажной древесины, дублёной кожи и Скрытый пойми, чего ещё. Из таверн (которые были тут, кажется, повсюду) слышались пьяные крики, в порту грязно переругивались рабочие, таская ящики с причаливших кораблей, бездомные на углах улиц просили мелочь, но им редко кто-то её кидал. Если Стража здесь и встречалась, то это были один-два одиноких солдата, которых отправили в караул, вероятно, за какую-то провинность. По пути Синку несколько раз толкнули в плечо, проходя мимо, но в районе Пятой башни это, пожалуй, лучшее, на что можно было рассчитывать. Возле таверны под названием «Пасть Радаша» лежал забрызганный чем-то неприятным пьянчуга, которого трое уличных заморышей лет восьми или двенадцати тыкали чем-то длинным и посмеивались. Поймав взгляд Синки, один из них кивком спросил:

– Ну чё вылупилась?

Та поспешно отвела взгляд, ничего не сказав.

«Отец меня за такие слова на неделю бы отправил чистить стойла. И ночевать в них же.»

Привычно обойдя сомнительные компании, каждая из которых окидывала её оценивающими взглядами, Синка наконец добралась до одной из, пожалуй, наиболее чистых таверн в районе: «Приют Джуламы». Вокруг неё не было ни луж, ни грязи, ни лежащих на земле людей, выпивших слишком много. Владелец таверны, Нирус, широкоплечий седой старик, подметал длинным веником крыльцо здания, и, увидев девушку, улыбнулся ей:

– Доброго вам дня, госпожа Синка. Финдер, слышал, уже проснулся, ждёт вас.

– Вам тоже доброго утра, Нирус, – почтительно склонила голову Синка. – Я тогда сразу к нему.

– Вам, ежели, чего понадобится, вы не стесняйтесь. Я с утра пораньше уже и похлёбку на совесть соорудил, ум отъешь!

«Нирус и правда готовить умеет на совесть. Ему бы в повара – заработал бы состояние», – подумала Синка, толкая плечом дверь таверны и входя в тихий с утра зал, в разных концах которого расположились одинокие люди. Никто из них её не интересовал: осторожно ступая по скрипучим доскам, Синка прошла к лестнице, ведущей на второй этаж – к жилым комнатам.

Обиталище Финдера, – как он сам убеждал, временное, – было тесным и неудобным, но обладало одной несомненной роскошью: окном со ставнями. Потрёпанная и смятая узкая кровать, платяной шкаф, в котором, наверное, клопов за всю жизнь было больше, чем одежды, да стол, заваленный бумажками, какими-то книгами и записями. Появляясь на пороге комнаты своего шефа каждое утро, Синка со вздохом думала, что где-то в своей жизни свернула не туда.

– Доброе утро, шеф.

Финдеру навскидку было около сорока, может быть чуть меньше. Слегка небритый, он каждое утро тратил на то, чтобы неумело заплести на затылке пучок волос, как сейчас было модно в некоторых районах Эбботимии. Принимай он чуть чаще ванну, и его даже можно было бы счесть симпатичным, но увы, жизнь в районе Пятой башни не баловала внешней красотой никого, кто там обитал.

Худой для своих пропорций (еда с его достатком была нерегулярной роскошью), Финдер предпочитал просторную одежду и, как правило, находясь в таверне, надевал простую синюю рубаху, подпоясанную простым ремешком. Рукава он закатывал до локтей, обнажая худые бледные руки, а на ноги надевал знававшие виды кожаные сапоги, когда-то выторгованные за бесценок на местном рынке. Если же требовалось выйти, он надевал свою гордость: просторный плащ, подбитый мехом и оснащённый широким капюшоном, что вместились бы и две его головы. Да, иногда в полах можно было запутаться, но Финдеру нравилось, как он в нём выглядит.

– Доброе утро! – поздоровался он с Синкой, заставшей его за чем-то, напоминавшем утреннюю гимнастику. – Как раз вовремя, я уже собирался спускаться к Нирусу. Запах снизу просто невероятный... Хмм, погоди, чем это от тебя пахнет? Снова заходила на Центральный рынок?

Синка поставила корзину на единственный свободный угол стола, не заваленный бумагами.

– Да. Купила ватрушки, как вы любите.

– Вот спасибо! – обрадовался Финдер. – Только всё же не гуляй там в одиночестве слишком часто. Там небезопасно. Мало ли что там с тобой может приключиться.

Синка пожала плечами.

– Обычно. Если не смотреть в глаза, то и не тронут. Я же не торговец.

Душу снова кольнула обида за бедного Рамио, который и так едва сводил концы с концами. Финдер подметил её переменившийся взгляд, стащив из корзины одну из пышных сочных ватрушек, и, взяв в руки, не упустил возможность продегустировать.

– Как вшегда, жа? – спросил он с набитым ртом, поняв, что Синка, вероятно, стала невольной свидетельницей чего-то неприятного. Та коротко кивнула.

– Угу.

– Не расстраивайся, торговля – дело жёсткое. А Рамио тёртый калач, выдержит как-нибудь. Хорошие фрукты всегда в цене, как бы его не прессовали.

– Откуда вы узнали, что это Рамио?

– У него яблоки всегда с очень характерным ароматом. Да и другие ты не берёшь.

Когда они спустились и заняли привычный стол возле окна, за которым чаще всего завтракали, Нирус уже вернулся со двора, убрал веник и протирал стаканы за стойкой. По просьбе Финдера он нацедил им в две крупные кружки свой фирменный травяной чай с корицей и имбирём.

– Ты – заплатишь за две, – буркнул он Финдеру. – А госпоже Синке – за счёт заведения.

– И в чём тогда смысл такой скидки, если я всё равно плачу за две кружки? – удивился Финдер. Рассмеявшись, Нирус не ответил, а лишь с вредным видом показал ему язык, отвернулся и вернулся к стойке. Синка негромко рассмеялась на выходку старика, отхлебнув из кружки дымящийся чай. Финдер принялся уплетать принесённые ей ватрушки. Одну протянул помощнице.

– Что у нас сегодня на повестке дня?

Синка вытащила из сумки крохотную записную книжку, пролистала её, кончиками пальцев придерживая исписанные аккуратными рядами чернил страницы.

– Сегодня у вас назначена встреча в «Двух хребтах» с Дамиром из Портовых. Сперва пойду я – или сразу вы, *господин Вокс*?

Финдер припомнил загорелое суровое лицо, которое ровно между глаз прорезал вертикальный белый шрам. Бывалый капер со скверным характером однажды помог начинающему информатору отделаться от «левобережных», и Финдер в благодарность нашёл способ, как выйти из порта в период повышенной активности Стражи. Успешно выручив друг друга, они с Дамиром надолго распрощались... и вот неделю назад моряк вновь подал весточку, что ему нужна помощь информатора.

– Дамира я лично знаю, и он меня тоже, – сказал Финдер. – Но осторожность не повредит: сперва ты осмотришь, не привёл ли он кого-нибудь, а потом пойду я, если всё будет чисто. Хотя облавы быть не должно, мы ведь раньше уже работали вместе.

– В записке он написал, что «заплатит как следует».

– Откуда, интересно, у Дамира нашлось «как следует» на оплату наших услуг? В нашу последнюю встречу он едва сводил концы с концами.

– Не знаю, но не станет же он врать?

– Наверное, не станет, – кивнул Финдер с сомнением. – Ещё что-то есть на сегодня?

Синка пожала плечами, доедая корочку своей ватрушки.

– На сегодня только он. Увы.

– Что ж, значит, придётся просить с него деньги вперёд, чтобы было, на что ужинать, – Финдер поставил допитую чашку на стол. – Ты молодец, Синка. За завтрак и ватрушки отдельное спасибо. Очень выручаешь. Если дело выгорит, разживусь премией для тебя за оперативную работу.

– А что такое «премия», шеф?

– Слово из моего мира. Вроде как значит, что я заплачу тебе чуть больше обычного. Но только если у Дамира сегодня действительно окажется что-то интересное.

...День над Эбботимией выдался пасмурный: серые снежные облака висели так низко над городом, что покрывали собой верхушки пяти Башен, включая самую нижнюю, Башню Пятого Кенина. Город имел конусообразную структуру, так что наплывающие на него осадки сперва атаковали верхние кварталы, а потом оставляли их в покое, кольцом рассеиваясь к нижним и атакуя уже их.

Ёжась от утреннего холода, Синка поплотнее закуталась в отороченный мехом плащ и накинула капюшон на голову. Финдер, предпочитавший в городе вообще не снимать капюшона, спокойно шёл следом, не обращая внимания на лёгкий морозец. Температура, которая жителей Эбботимии заставляла стучать зубами и стремиться к теплу, по какой-то причине

вызывала у него только лёгкий озноб. Возможно, думал он, раньше я жил где-то в холодном месте.

Вспомнить бы, что вообще это было за «раньше».

Ступая по неровной каменной брусчатке вслед за своей подопечной, Финдер в сотый или тысячный раз вспоминал, как вообще оказался здесь. Первое, что он помнил – яркий свет и давление будто бы со всех сторон сразу, которое выпихивает его наружу. Он падает на сухую пыльную землю, залитую красивым голубым свечением.

«А дальше меня встретил Орден Кальда, будь они прокляты. Столько месяцев сидеть и покорно внимать их разговорам...»

Финдер сперва не помнил вообще ничего, даже своего имени. Слово «Finder» возникло откуда-то из глубин его мозга, лишённое смысла и контекста, так же как он – воспоминаний. Это было всё, что он взял от прошлой жизни, и это стало именем, которое он назвал людям, что встретили его здесь.

По их словам, Финдер был Идущим. Идущие – это те, кто так же, как он, время от времени попадают в Эбботимию из своего прежнего мира, лишаясь почти всех воспоминаний о нём. Орден Кальда говорил, что Идущие часто приходят и осваиваются в городе... вот только Финдер, кроме себя самого, за три года тайной жизни ни одного Идущего так и не нашёл.

Определить их было просто. У всех местных жителей вместо густых ресниц было по три чёрные родинки над каждым веком, а ещё немного раскосые глаза. Финдер на своём собственном отражении видел длинные ресницы и никаких родинок. Возраст угадывался где-то в промежутке между тридцатью или сорока годами, лицо успело зарости густой чёрной щетиной (Орден Кальда бритв так и не предоставил), а волосы опуститься до плеч, прежде чем здесь, в городе, он нашёл толкового цирюльника...

– Шеф! – позвала Синка, вырвав Финдера из плена воспоминаний. – Вы когда-нибудь пробовали филе шаопала? Такое объедение – но так дорого! У меня слюнки текут каждый раз, когда прохожу мимо «Кита Гапона»...

– Не пробовал, – ответил Финдер. – Чем бы оно ни было, оно стоит как три наши предстоящих аренды.

– Вы преувеличиваете. Пятьдесят эбби за блюдо это не так уж много.

– На это мы можем жить месяц.

– Нужна ли такая жизнь, – вздохнула Синка по-философски. – Вот брошу всё это и уйду выступать в театр.

– В любой момент, когда решишься, – не стал возражать Финдер. – Чур я буду сидеть в первом ряду на твоём дебюте. Хоть каждый день будем есть филе шаопала. Что это, к слову, за зверь?

– Очень большая рыба из Далёкого Океана. Шкура толстая, но если вскрыть – такая нежнейшая мякоть под ней!

Синка сдержала невольную улыбку. В этот момент они подходили к таверне «Два хребта»: злачному местечку, возле которого с утра валялось несколько спящих пьяниц. Одного из них расталкивали ногами Стражи, брезгующие даже прикасаться к нему. С опаской поглядывая на рыцарей в белых доспехах, Финдер шепнул Синке:

– Идём скорее внутрь.

Дамир ждал их внутри, за одним из дальних столиков. Суровый и широкоплечий моряк даже в помещении не снимал потрёпанный меховой плащ, явно знавший лучшие времена. «Разве в морских походах он не привык к холодным ветрам?» – подумал Финдер, пуская Синку

вперёд, чтобы та оглядела таверну на предмет подозрительной активности. Сам же он привычно нырнул в тень.

– Давно ждёте? – Синка очаровательно улыбнулась Дамиру и, отодвинув стул, присела напротив него. Поставила локоть на стол и положила щёку на ладонь, болтая ногами с такой невинной улыбкой, будто пришла на свидание с каким-нибудь красавчиком. Дамир не изменился в лице, сведя брови на шрамированной переносице.

– Ты ошиблась, девочка.

– Почему же? Вы сами назначили с господином Воксом встречу.

Дамир обдумал следующий вопрос:

– Не знал, что он завёл секретаршу, да ещё такую молоденькую. А сам он где?

– Здесь, – Синка широко улыбнулась, слегка прикрыв глаза. – Он хочет убедиться, что всё в порядке и никто не помешает. Вроде той очаровательной леди в дальнем углу, у которой за поясом по меньшей мере четыре кинжала.

– Это Абла, – Дамир не стал ни удивляться её проницательности, ни отрицать, что знает, о ком Синка говорит. – Она со мной. Очень хотела познакомиться с Воксом.

– Кинжалы помогают ей ближе знакомиться?

– Работа у неё такая.

– Увы, это частное мероприятие. Как говорит шеф, *тет-а-тет*.

– Что это значит?

– «Тет-а-тет» значит, что должны присутствовать только вы и он. Кивни пожалуйста Абле, чтобы подождала снаружи, пока взрослые дяди поговорят, а потом может сверкать кинжалами, сколько влезет.

Дамир полминуты сверлил взглядом Синку, будто размышляя, не прикончить ли заносчивую девчонку прямо на месте. Но затем перевёл взгляд на дальний конец зала и сделал еле заметное движение головой. По звукам шагов и хлопнувшей двери Синка поняла, что Абла верно считала намёк, и с кошачьей грацией потянулась руками вверх, зажмурив глаза.

– И, разумеется, аванс вперёд, – сказала она. – И тогда выпивка за наш счёт.

Дамир молча положил перед ней звенящий мешочек с пригоршней эбби, который полнотью удовлетворил Синку, и та спрятала его в подсумок.

– Вот теперь хорошо, – улыбнулась она, вставая со стула и уходя. – Приятной беседы!

Дамир внимательно смотрел, как она отходит прочь, когда на его плечо легла рука.

– Прости эти предосторожности, – тихо сказал Финдер из-за его спины. Моряк не вздрогнул, не удивился, даже головы не повернул.

– Вокс.

Финдер обошёл стол, сев на место, где только что сидела его помощница, и спокойно встретил взгляд Дамира. Без своего широкого капюшона и плаща информатор абсолютно не выдавал никаких следов своей деятельности: чистая кожа без шрамов и морщин, чистые волосы, завязанные в короткий хвост на затылке, простая подпоясанная коричневая туника и прочные штаны.

– Мы будем что-нибудь заказывать? – спросил Финдер спокойно. – Я, правда, по утрам не пью, но не знаю, как у вас, у Портовых всё устроено.

– Я не пить пришёл, – произнёс Дамир. – Дело есть к тебе.

– Значит, возьмём по две кружки шарийского, – Финдер, не оборачиваясь, мимолётным жестом показал через плечо два пальца – и тут же положил руки на стол перед собой. – Итак?

Дамир облизнул сухие губы.

– Ты знаешь Хотара Гааби?

– «Навар Гааби», да? Какая-то лавка на Центральном рынке.

– Не «какая-то», а нонче самая богатая, – Дамир понизил голос. – У нас от этой падали всё по швам трещит. С недавнего времени Гааби науськивает всякую падаль – не Портовых, а

более мелкую шваль, которая за эбби родную мать продаст, – взывать с других лавок пошлину за «защиту» от погромов. Если пошлины недостаточно, то лавку громят. Того, кто следом приходит, тоже берут на счётчик.

– И ты уверен, что это делает Хотар Гааби?

– Да, – сурово подтвердил Дамир, – потому что *его* лавку никто не прессует. Пока все местные дрожат за каждый эбби, Гааби только наживаете и богатеет.

– И почему Портовые не помешают им? Разве вы не контролировали рынок и порт до этого?

– Мы стоим за своих, Вокс, только и всего. наших люди Гааби сторонятся. К тому же, у нас к осени и так дел по горло. Зимой порт обеднеет, работы будет меньше, все стараются побольше собрать сейчас, чтобы было на что зимовать. И если всё и дальше пойдёт так, то зимой весь рынок будет под Гааби – а это значит, что задница нам, а не заработки.

– И что ты от меня хочешь?

Дамир понизил голос:

– Чтобы ты раскопал что-нибудь на Гааби.

В этот момент перед ними на стол стукнулись две полные стеклянные кружки шарийского светлого, но моряк даже не моргнул в их сторону.

– У него наверняка что-то за душой есть. Если Стража им заинтересуется, а то и арестует, то и Портовым, и местным торговцам будет легче жить.

«Если бы всё было так просто...» – размышлял Вокс, листая толстую записную книжку. Имя Хотара Гааби, торговца морепродуктами, в ней находилось на одной странице с именем Октавира Хольца – одного из членов городского Совета. Гааби явно получал контракты и покровительство от одного из богатейших людей Эбботимии, и «копать» под такого человека означало «копать» под сам Совет. Что не кончилось бы добром ни для кого из них, и уж точно не было в интересах Вокс.

– Скажу прямо: вам не стоит ни в коем случае трогать Гааби напрямую, если хотите сохранить жизнь, – сказал информатор, глядя в глаза Дамиру. – Стражей вам тем более не стоит сюда вмешивать.

Старый моряк подумал над ответом, почесав щетину пальцами.

– Думаешь, у него есть покровитель выше?

– Вероятно, намного выше, раз Гааби вообще ничего не боится.

– Гильдия?

– Совет.

– И что нам тогда делать?

– Пока что выпей немного за наше здоровье и дай мне подумать, сколько это будет стоить.

Дамир замолчал. Вокс принялся листать записную книгу, сопоставляя имена и даты, бывшие контракты и договоры, сделки и подпольные связи. Мозг его заработал и довольно быстро составил выгодное для Портовых предложение... вопрос был в том, насколько они к нему готовы, и какую цену им для этого назначить.

– Давай проясним кое-что, – уточнил Вокс спустя пять минут молчания, захлопывая записную книжку, – вы хотите убрать Гааби как можно быстрее, верно?

– Желательно, до зимы, – кивнул Дамир.

– Так вот: всё, что вы можете – вернее, всё, что я могу вам предложить, – это ослабить его влияние на рынке, чтобы он давал дышать местным частным торговцам. Но не более того. У него всё ещё богатые контракты и много товара, а значит, много покупателей, это никуда не денется.

– И что ты предлагаешь?

Самым тонким в работе Финдера было сообщить клиенту в точности выверенное количество информации: такое, которое убедит клиента, что ему можно верить, но не сообщит

ничего лишнего, пока за это лишнее не будет внесено дополнительной платы. Это было хождение по тонкой грани – и это было то, в чём Вокс уже наловчился.

– Я думаю, помочь может, если что-нибудь произойдёт с лавкой пряностей «Муши».

У Портовых не было своего специфического шифра, а было подобие диалекта, который прекрасно передавал смыслы и подтексты по общим формулировкам. Так что и Финдер, и Дамир оба понимали, что «что-нибудь произойдет» означало не неожиданную удачу, а погром или пожар.

– Пряностей? – уточнил Дамир. – Это ту, у которой красный горшок с буквой «М» на вывеске?

– Да, – подтвердил Вокс. – Могу гарантировать, что после этого на какое-то время Гааби прекратит свои махинации. Но, если решитесь на это, то будьте готовы к последствиям.

Дамир задумался.

– Опять твои фокусы? В чём смысл? Какие последствия?

Вокс загадочно ему улыбнулся и пригубил пиво. Не в его вкусе, но он притворился, что смакует напиток.

– Я же информатор, Дамир, я не пророк. Я оперирую информацией, имеющейся у меня на руках, как колодой карт при игре в «заточку». И мой расклад говорит, что анонимный *визит* в лавку пряностей «Муши» не нанесёт прямого вреда Гааби, но может заставить его умерить пыл. Стражи усилят контроль над рынком, чтобы не допустить подобного.

– Из-за одной лавки? Да люди Гааби громили и покрупнее, и Стражи на рынок даже не сунулись...

– Им нужен был более веский повод, – процедил Вокс тихо. – И лавка «Муши» как раз такой.

Дамир долго и недоверчиво смотрел на него, прежде чем недовольно закричать, откинувшись на хлипкую спинку деревянного стула.

– Заглянуть бы в эту твою книжечку, может я бы лучше всё понял, – буркнул он, сверля глазами записную книжку Финдера. Тот лишь рассмеялся.

– Поверь, ты бы только больше запутался. Мне самому пришлось много времени расшифровывать, что в ней к чему.

– Так она не твоя? – удивился Дамир.

– Моя, – загадочно ответил Вокс, кладя её на стол. – Но я не единственный владелец. Однако мы отвлеклись от темы. Я удовлетворил твой интерес?

Дамир не сводил глаз с книги, что-то долго обдумывая. Вокс не торопил его: знал, что у старого Портового есть привычка долго обдумывать свои действия, прежде чем принять решение. Он не сразу понял, что означал глухой металлический щелчок, раздавшийся из-под стола.

– Не двигайся, иначе я тебе яйца разнесу, – тихо проговорил Дамир, глядя ему в глаза. – Моя пушка сейчас как раз на них целится.

Изумлённый Финдер почувствовал, как по его спине катится капля пота. Одну руку Дамир держал под столом, а вторую вытянул вперёд, положил на записную книжку и притянул к себе.

– Что, – буркнул он, – думали, я без Аблы сам ничего не сделаю?

– Я думал, мы друзья... – слабо проговорил Финдер, сглатывая и наблюдая, как книжка исчезает в глубине просторного плаща Дамира, под которым блеснуло что-то металлическое. Доспех? Но откуда он у моряка?

– «Друзья», – усмехнулся моряк, запахивая плащ, – идиот. У информаторов не бывает «друзей».

– Ты всё равно ничего не поймёшь из записей... – бессильно произнёс Финдер. Однако Дамир не смутился:

– Я, может, и не пойму. А вот Абла давно уже хотела в неё заглянуть. Она в этих делах соображает. Не зря мы с ней через весь город сюда тащились.

«Так это было ради книжки?..»

Дверь таверны распахнулась. Впустив внутрь прохладный воздух, вернулась женщина, которую Дамир ранее просил выйти. Синка, не заметившая ничего подозрительного, бросилась Абле наперерез, но сильный толчок в живот подкосил её, оттолкнул и опрокинул на спину. Женщина презрительно посмотрела на неё, выдав только:

– Ой.

Подняла глаза на бармена.

– Этой больше не наливай.

Однако тот, к удивлению Финдера, вообще не смотрел в их сторону: стоял к ним спиной, протирая стаканы и чуть ли не играя с ними в гляделки. Даже звук падения на пол его не отвлёк. Неужели он заодно с ними?

И в какой вообще момент в салоне таверны кроме них никого не оказалось?

– Что, Абла, совсем по сторонам не смотришь? – шутливо рассмеялся Дамир, с шумом поднимаясь из-за стола и на ходу пряча под плащ угрожающего вида мушкет, от которого у Финдера по спине пошли мурашки. – Нельзя же людей сшибать.

– Нечего вставать у меня на дороге, – буркнула Абла, как бы невзначай шевельнув плащом, чтобы и Синка, и Финдер увидели блеснувшие острия ножей. – Ты закончил?

«Всё пошло совсем не по плану...»

– Дамир, – сказал он, поднимаясь, было, с места, но матрос осадил его:

– Мы с тобой закончили, паршивец, – и резким ударом тяжёлого кулака по лицу он отправил Вокса в долгий нокаут. Столкнувшись лицом с деревянной столешницей и чувствуя, как пульсирует содержимое черепной коробки, и всё плывёт перед глазами, Финдер, прежде чем отправиться в забытие, подумал, что, пожалуй, в этом мире он продержался слишком долго, прежде чем впервые почувствовать себя самым большим идиотом из возможных.

Глава 2. Четыре заточки

В мутном больном забытии Финдеру опять снились первые свои мгновения в Эбботимии.

Он помнил, как что-то сильно сжимало его тело, а потом выплюнуло на сырую землю, как его обступили люди в белых мантиях, осторожно подошли, осмотрели, проверили его конечности; оттащили в чистую камеру, где дали какой-то еды, воды и мягкую подушку, на которую можно положить голову. Ни слова из их речи он не понимал, и, кажется, никто из них не понимал его, и даже не особо стремился понять. Все действовали так слаженно и организовано, словно выпавший к ним человек был одним из десятков за день. Никто не пытался разговаривать с ним, допрашивать, отвечать на вопросы.

Он помнил, как спустя несколько молчаливых пустых недель, проведённых в камере под постоянным наблюдением, его неожиданно одели в чистую белую одежду, вывели из камеры и провели по какому-то колоссальных размеров каменному храму в место, похожее то ли на зал для медитаций, то ли на учебный кабинет. Здесь стояло две парты – и здесь Финдер встретил первого человека, отличавшегося от других балахонов.

Точнее, он надеялся, что это был человек. Женщина, на вид около лет сорока, с тёмной кожей, покрытой белыми блёстками, и с какими-то непропорционально большими для её лица глазами, в каждом из которых, кажется, мелькало два хрусталика, которые вращались по часовой стрелке. Долго смотреть в эти глаза было тяжело: у Финдера начинала кружиться голова.

Незнакомка, сидящая за второй партой, внимательно смотрела на него, когда Финдера усадили на соседнее место, а затем оставили их, закрыв за собой дверь. Двое сидели в тишине, пока Финдер не разлепил губы.

– Ты... – выдохнул он, с трудом ворочая языком и вспоминая язык своего старого мира.

– Ты... меня... понимаешь?

Женщина повернула к нему голову и Финдер сосредоточил глаза на её переносице, лишь бы не встречаться взглядами.

– *Sha-a-ai?* – с напевом произнесла та, и, пока она открывала рот, Финдер разглядел, что у неё острый язык. Тон, вроде бы, не выдавал вражды, но у него всё равно скрутило живот. Его чуть не вырвало, и новый приступ паники уже одолел бы его, когда дверь открылась, и в кабинет вошла благожелательная женщина слегка преклонного возраста.

Как и все местные, на которых Финдер уже насмотрелся, у неё была бледная кожа и чуть раскосые глаза без ресниц: вместо них над каждым глазом располагалось по три ровные крохотные родинки.

От вошедшей женщины веяло таким спокойствием и добродушием, что его панику сняло рукой, как по волшебству. Взгляды Финдера и женщины были прикованы к этой незнакомке.

Она, всё ещё улыбаясь, приложила руку к груди, найдя взгляд каждого из сидящих в классе, и медленно, уверенно произнесла, широко раскрывая рот:

– *Навиши.*

Несложно было догадаться просто по жестам, что так она называла себя. Диалект и акцент были немного странными, но общий посыл угадывался.

Навиши подошла сперва к женщине, всё ещё спокойно улыбаясь.

– *Навиши,* – повторила она ласково, приложив руку к своей груди. Затем протянула и указала на женщину полу-вопросительно.

Полминуты ничего не происходило, а затем женщина открыла рот, положив ладонь на руку Навиши.

– *Ша-ай.*

– *Навиши*, – ихнаставница указала на себя. – *Ша-ай*, – указала на женщину. Огромные глаза, кажется, даже немного засветились, а губы тронула улыбка.

– На... ви... ши... – с трудом произнесла она.

Навиши повернула голову и медленно подошла к Финдеру, не сводящему глаз с их разговора.

– *Навиши*, – с улыбкой сказала она ему, указав на себя, – *Ша-ай*, – она указала на женщину с большими глазами, которые теперь тоже были прикованы к третьему человеку в классе.

– *Финдер*, – медленно представился он, чувствуя неясное благоговение. Навиши улыбнулась ему, как улыбаются бабушки своим внукам. По возрасту она как раз подходила этой роли.

– Навиши. Финдер. Ша-ай.

...– Ша-ай... – простонал Финдер, открывая глаза. Вернее – только один глаз, второй заплыл таким синяком, что открываться не желал. И ужасно болел.

– Шеф! – над ним склонилось обеспокоенное заплаканное лицо Синки. – Простите, я... не уследила за этой...

Всё ещё «Два хребта». Всё ещё равнодушный бармен. Всё ещё головная боль.

– Сколько я был в отрубе? – Финдер тяжело поднял голову, чувствуя, как она раскалывается после удара Дамира.

– Минут десять... Дамир и Абла уже ушли. Скрытый их заберу, как они посмели!.. – Синка была то ли огорчена, то ли раздражена, то ли обеспокоена – а может быть, её обуревали все чувства сразу. Финдер тяжело поднялся на ноги.

– Нам тоже пора. Давай... аргх... как же болит... уйдём отсюда...

Хуже болящей в нескольких местах головы был только разъедающий его сердце стыд за собственную беспечность. Пока они шли по мостовой, Финдер на чём свет стоит ругал себя, что доверился Дамиру, хотя они всего-то раньше пару раз разговаривали, да однажды Дамир ему помог отделаться от каких-то головорезов.

– Эти уроды даже аванс у меня забрали, – жаловалась Синка недовольно, поддерживая Финдера на ходу. – Как нам их теперь найти?

– Никак, – просипел Финдер. – К Портовым... сейчас соваться себе дороже.

Ещё и ужинать, видимо, придётся объедками от вчерашнего ужина да чаем. Великолечно.

– Почему он вас предал, шеф? Вы же говорили, что вы знакомы...

– Знакомы. Но ему... аргх... вернее, этой бабе... понадобилась записная книжка...

– Что в ней такого?

– Много всего. Вот только я потратил много месяцев, чтобы разобраться в ней, переписать и расшифровать, а они... ух... ничего из неё не получают. Вот же... кретины...

– Мы точно должны попробовать найти их, – настояла Синка, – найти и вернуть аванс. И вашу книжку.

– Иначе как нам дальше этим заниматься? Если нас будут кидать все подряд, про дело придётся забыть.

– Точно... – вздохнул Финдер. – Ты права. Мы вернём... всё. И ещё сверху попросим...

– Сперва вам нужно привести себя в порядок. Держитесь, мы почти дошли...

– Что ж... – выдохнул Финдер, со вздохом проведя ладонями вниз по лицу. – Это было фиаско.

– Фи-что-ско? – не поняла Синка.

– Провал. Неудача. Наш просчёт.

Финдер подошёл к окну, хмуро поглядев на город снаружи. Всё ещё ругал себя за то, что слишком много о себе возомнил. Подумал, что если вперёд впустить Синку, то это всё решит... болван!

– Нужно вернуть книгу любыми способами, – сказал он. – Без неё я как без рук.

– Шеф, вы никогда не рассказывали, откуда она у вас вообще, – произнесла Синка. – Вы так в неё цепляетесь... Что это за книга такая?

Финдер мрачно вспомнил тот вечер, когда лично видел смерть человека по имени Язай Вокс, из чьих холодных рук он и подобрал толстую стопку листов, оплетённых крепким кожаным переплётом. Финдеру пришлось долго разбираться в хитросплетениях записей прежнего информатора, которого зарезали в подворотне ржавой заточкой и оставили истекать кровью. Ни денег, ни чего-то ценного, кроме книги, у Язая с собой не было, так что непонятно, убили ли его по заказу или по случайности. Важнее – что в руки Финдеру, скрывающемуся от Ордена Кальда, упал в руки ключ от всех дверей в городе. Осталось лишь расшифровать массу коротких записей, связей и скрытых символов, чтобы получить доступ к этим дверям... на что Финдер и потратил много месяцев, прежде чем встретил Синку и сам стал работать информатором.

– Эта книжка записей принадлежала человеку по имени Язай, – сказал Финдер медленно. – Он был информатором так же, как я: вёл записи о том, что видит, кого встречает, кто с кем связан, кто с кем в ссоре; кто на кого точит зуб, кто кому должен, кому чья лавка на самом деле принадлежит. Вот только он это превосходно шифровал, так что, как бы эта Абла ни была хороша в чтении, – если она вообще хороша – у неё уйдёт время, чтобы понять, что там к чему. Эти идиоты сами не понимают, что у меня украли.

– А как книга к вам попала? – спросила Синка с любопытством.

– Язай ушёл на пенсию и передал её мне.

– А у него нет... дубликата или ещё одной такой книжки?

– Если бы... – вздохнул Финдер, потеряв переносицу. – Ладно, забудь об этом. Важнее – как нам её вернуть. Без неё мы, считай, нищие бродяги.

– Помните, что сказал Дамир? «Я, может быть, и нет, но Абла...» Как будто книжка больше нужна была ей, чем ему. Или им обоим.

– Он спрашивал меня прежде всего про методы воздействия на торговца рыбой Гааби, – размышлял Финдер, ходя по кабинету. – И я уже сказал ему, в чём соль: если погромить лавку «Муши», на рынке станет больше Стражи и меньше вымогательств с частных лавок.

– Почему, кстати, «Муши»? – спросила Синка. – Они связаны с рыбой? Или вы выбрали случайно?

– Не случайно, – покачал головой Финдер. – Дело в том, что Гааби, судя по записям в книге, был связан контрактом с Октавирой.

– С тем самым? Из Совета?

– Ага. Поэтому Гааби и был настолько наглым, чтобы монополизировать рынок. Однако лавка «Муши» – это лавка, принадлежащая прямым противникам дома Октавира в Совете: собственно, Шелбу Муши, который отвечает за ввоз пряностей в город. Если погром заденет его, в Совете начнутся трения, так как эти два дома – давние соперники. Муши постарается сохранить доход, и усилит безопасность своих лавок, поставив больше Стражей на рынке.

– Но разве по самим Портовым это не ударит?

– Об этом я Дамира тоже предупредил. Но так они смогут ослабить Гааби, как и хотели. А эта сволочь даже за информацию не заплатила.

– А об этой Абле вы что-нибудь знаете?

– Ничего, увы. Да и каждого Портового по имени не выучишь. Вспомни, ты не заметила ничего примечательного в её внешности или действиях?

Синка задумалась, уперев локти в стол и положив на ладони подбородок.

– Дайте подумать. Наглая, грубая, явно своенравная, даже этого Дамира она послушалась не сразу. Я насчитала за поясом четыре ножа, но, возможно, за голенищем она ещё припрятала.

– Четыре ножа... Метательных?

– Обычных массивных ножа. Я в них, признаться, разбираюсь мало, но уж понятно, что она пришла готовой к стычке.

В момент потасовки Финдеру не удалось разглядеть внешность Аблы, но, вроде бы, в ней не было чего-то примечательного. Сухая обветренная смуглая кожа, редкие волосы заплетены назад, одежда некрасивая, но практичная, и накидка достаточно широкая, чтобы скрыть при необходимости целый фальшион. Вряд ли Абла была Идущей. Скорее всего, наёмница из Портовых... но почему тогда Дамир говорил, что она, возможно, разберётся в чтении книги Язая?

«Я, может, и не пойму. А вот Абла давно уже хотела в неё заглянуть. Она в этих делах соображает. Не зря мы с ней через весь город сюда тащились», – вспомнил он слова старого моряка.

Давно хотела – значит, она знала, что в книге Язая содержится какая-то информация, которая ей интересна. «Соображает в этих делах» – значит, вероятно, достаточно умна, чтобы сопоставить важные для неё факты и извлечь из книги выгоду. И наконец, «не зря мы тащились через весь город» – значит, Дамир и Абла, вероятно, спланировали назначить «Два хребта» местом встречи, и, узнав у Финдера всё, что нужно, просто украсть книгу, чтобы Абла сама в ней покопалась.

Что-то упущенное не давало Финдеру покоя. Какая-то деталь будто бы мельтешила на краю глаза, но всё никак не желала попадаться в поле зрения, а они никак не могли её разглядеть. Меряя кабинет шагами, Финдер вспоминал детали разговора с Дамиром.

«Не зря мы с ней через весь город...»

Но порт Хепп располагался неподалёку, в соседнем районе, – значит, Дамир и Абла шли в таверну не оттуда. Значит, есть вероятность, что Абла действительно не из Портовых... но кто ещё будет ходить с четырьмя ножами и водить дружбу со старым морским волком? Явно наёмник, часто выполняющий грязную работу.

В мозгу Финдера что-то щёлкнуло. Если Абла не из Портовых, но наёмница, то, вероятно, есть конкретное место, где такие, как она, любят собираться.

«Пасть Радаша».

В гвалте и шуме таверны Абла чувствовала себя, как дома.

Пока за стойкой кто-то кричал, выясняя отношения с барменом и выблёвывая только что выпитое пиво на пол, она, сидя за дальним столиком, держала несколько карт и ждала, пока её противник – тощий облезлый тип, достаточно наглый, чтобы играть с ней, но недостаточно умный, чтобы победить, – наконец сделает свой ход. С хмурым видом осматривая свою колоду и морща брови так, будто перед ним сложный текст, Накк кривил и корчил рожу, прежде чем положить на стол «стальное древко».

Правила игры были простые: в колоде было сорок четыре карты, большинство из которых – деревки, а меньшинство – серебряные и золотые пики. Цель была в том, чтобы быстрее оппонента собрать четыре «заточки» (комбинации деревка и пики), которую твой противник не может покрыть ничем из «руки». Обычное древко «покрывалось» стальным, серебряную пикую «съедала» золотая. И в таверне «Пасть Радаша» всякий выпивоха знал, что с Аблой играть не стоит, потому что она наверняка оставит тебя ни с чем.

А вот бедняга Накк этого, кажется, не знал.

– Ну что, Абла, как проставляться будем? – он оскалил зубы, которых явно не доставало, считая, что крыть ей нечем. Взглянув на него исподлобья, Абла подумала, что, если она достаточно напьётся, во рту у Накка зубов вообще не останется.

– Не знаю, – коротко сказала та, покрывая его карты «серебряной пикой», и забирая очередную «заточку» себе. – Я затачиваю.

Ни один мускул на её лице не шевелился во время этой игры, зато противника она считывала как ребёнка. Вокруг них уже столпились зеваки, часть из которых знала, как хорошо Абла играет в «Заточку пик», и, выпивая, с удовольствием наблюдала, как Накк загоняет себя всё глубже и глубже. Ещё несколько минут, и пройдоха (вернее, идиот, который считает себя пройдохой) отдаст ей больше тридцати эбби, а потом, если повезёт, решит ещё и отыграться.

– Ни хрена ты не затачиваешь, шкура! – радостно протявкнул он, смеясь, и покрывая её карты «древком» и «золотой пикой». – Я сегодня в выигрыше! Затачиваю!

Среди публики послышался тихий рокот, но Абла едва сдерживалась, чтобы не начать улыбаться. Лицо всё-таки надо сохранять...

– Затачиваю, – повторила она, выкладывая третью по счёту комбинацию древка и пика. Лицо Накка исказилось от гнева, и он, пропустив свой ход, взял две карты из колоды. Идиот совсем не знал чувства меры... и потому сочувствия у Аблы совсем не вызывал, когда после очередного его победного выкрика она выложила на стол четвёртую комбинацию древка и золотой пики, что означало безоговорочный выигрыш.

– Копья наголо! – она с довольным видом откинулась назад, грохнув тяжёлыми сапогами о столешницу; публика вокруг разразилась радостным смехом и гвалтом. Накк взвыл от отчаяния, когда его выпихали прочь. Глядя на оставленную им гору эбби, Абла лениво крикнула бармену:

– Норл! Налей всем шарийского за мой счёт!

Окружавшие её люди разразились одобрительными ликующими возгласами. Вскоре всюду слышался звон стекла, кто-то пьяными голосами затянул шантйскую песню. Лениво оглядывая шумную таверну, Абла подумала, что, наверное, достойных конкурентов сегодня не появится... когда за стол перед ней сел тощий бледный тип в широком капюшоне.

– Могу я с тобой сыграть?

Абла узнала его сразу. Тощий информатор, у которого они с Дамиром сегодня утром изъяли книжку. К ней Абла пока не притрагивалась, но не ожидала, что хозяин явится к ней настолько скоро. Либо он полный идиот, раз пришёл за добавкой, либо у него на уме какая-то подлость.

– Прячешь синяк, как трус, – прошипела Абла с ухмылкой, ловко тасуя колоду, – на что ты здесь рассчитываешь?

– Что мы договоримся, – ответил тот, откидывая капюшон назад; Дамир и правда поставил ему знатный синяк. – И ты вернёшь мне книжку.

Перемешав карты, Абла быстро раскидала поочереди себе и Воксу по шесть карт. Оставшиеся стопкой сложила сбоку.

– Я играю только на деньги. Не на вещи.

– Значит, я смогу у тебя её выкупить, если выиграю у тебя достаточно эбби?

Абла расхохоталась от его самоуверенности.

– Добыча не продаётся, *гайх*. Ты полный кретин, раз решил, что у меня её отыграешь так просто.

– Как я и сказал, я пришёл не «отыгрывать», а договориться, – спокойно сказал Вокс, равнодушно разглядывая выпавшие ему карты. – Раз уж не хочешь играть на книжку, согласись хотя бы выслушать меня, если я выиграю.

– А если нет, то ты угощаешь всех здесь выпивкой, а потом выметаешься, – предложила Абла. Вокс мгновенно кивнул.

– Идёт.

Он сбросил первые «древки» на стол.

– Ваша с Дамиром проблема в том, что вы решили, будто знаете, что именно украли.

– Я – прекрасно знаю, – Абла сощурила глаза. – Это не принадлежало тебе. Это принадлежало Язаю.

– Так ты была с ним знакома?

– Была, ещё при жизни, – Абла придержала карты, ожидая лучшего момента. – Ты, жалкий *шемлех*, не ровня этому человеку. Может и не самый честный и надёжный, но он был юркий, как змей; оставлял за собой сто следов, из которых девяносто восемь были чужими. Мы вместе работали над одним делом. И даже мне он бы ни за что не дал мне и мельком взглянуть на эту свою книжку... а ты отдал мне её почти даром, – Абла скривила губы. – Посмешище.

– Если ты с ним раньше работала, то ты ведь знаешь, что в ней всё зашифровано? – спросил Вокс, лицо которого не выдавало ни раздражения, ни уязвлённой гордости. Он накрыл её карты своими. Пока что они шли вровень, но Абла чувствовала, что вот-вот загонит наглеца в угол. – Тебе потребуется время, чтобы разобраться в хитросплетениях шифра, возможно, много времени. Или кто-то, кто знает, как её читать.

Несколько карт быстро упали, перекрывая друг друга. Вокс и Абла не глядя взяли из стопки по три новые карты.

– Значит, разберусь сама, – процедила Абла.

– Можешь попробовать, – не стал спорить Вокс. – Но ещё мы можем помочь друг другу. Затачиваю.

– Мне не нужна помощь от такого жалкого подражателя, как ты. Затачиваю.

– Я не подражаю ему, а просто пытаюсь заработать.

– Есть много разных способов сделать это. Даже для Идущего, – последнее слово Абла произнесла с особым презрением, будто выплюнула нечто горькое, попавшее на язык. – Ты, будто детёныш *шанихи*, вслепую лезешь в пасть к *кареху* и думаешь, что тебя не сожрут.

– С чего-то нужно начинать. А чистить сапоги или вешать вывески мне не интересно. К тому же, я не так глуп, как ты думаешь. Придя сюда, я понимал, что могу не выйти.

– И почему не отказался от своей идеи?

– Потому что, пока не набрал хорошую «руку», приходится рисковать, чтобы чего-то достичь. Я затачиваю.

Каким-то образом у него оказалось уже три «заточки» из четырёх. Абла поджала губы, глядя на свои карты. Отыгаться более чем возможно, но ей не нравилось, что она потеряла полный контроль над ходом игры. Вокс был сосредоточенным и спокойным, но уже не казался самоуверенным. Видимо, начинал осознавать, что обыграть её у него не выйдет?

– Я знаю, что облажался сегодня утром, – произнёс он бесстрастно, глядя в свои карты. – Я думал, что могу доверять Дамиру. Больше я такой ошибки не совершу, поэтому не рассчитываю на понимание или милосердие. Я лишь предлагаю выгоду для нас обоих.

– Хочешь сказать, – произнесла Абла медленно, выкладывая «серебряную пику» на «стальное древко», – что если я прямо сейчас зарежу тебя, заберу все твои эбби и закажу выпивку – я что-то потеряю?

– Разумеется, ты в любой момент можешь так сделать, – сказал Вокс, – но я знаю, что ты не упустишь выгоды. Если из книги Язая тебя интересует что-то конкретное, ты ещё много месяцев потратишь на её расшифровку, и всё равно не факт, что найдёшь то, что ищешь. Или ты можешь вернуть книгу мне, и я помогу тебе узнать то, что ты хочешь, – в завершение своей речи он выложил «золотую пику» поверх её карт. – Копья наголо.

Повисла пауза.

Глядя в свою «руку», которая почти обещала ей лёгкую победу, Абла не могла взять в толк, где она просчиталась. Она всегда знала, когда брать карты, а когда придержать, когда лучше дать противнику сделать ход, и когда позволить ему поверить, что он уже победил. Она разыгрывала игру как обычно, как всегда делает... но каким образом вообще можно было собрать четыре «заточки» быстрее неё?

Абла подняла ошеломлённый.

– Ты обдурил меня.

Вокс показал ей свою руку – намного более слабую, чем у неё сейчас, четыре «древка» и две «серебряные пики». Он не мог победить... если только каким-то образом в последний момент он не вытащил из колоды именно «золотую пику», которая принесла ему четвёртую заточку.

– Я просто поймал момент, – сказал Вокс, пожав плечами. – Так теперь мы сможем договориться?

Абла внимательно смотрела на него несколько секунд с неясным выражением лица. Она больше не сердилась... но всё ещё, кажется, не доверяла. Что действительно удивило Вокса – так это то, что Абла резким рывком сгребла со стола все карты, смешав их в стопку, и принялась яростно тасовать.

– Давай ещё раз.

Глава 3. Сёстры Латрис

Абла была не из тех, кто много болтает – это Финдеру и так было ясно с первого взгляда. Так что одной партии в «четыре заточки» оказалось недостаточно, чтобы она заговорила. Пришлось три раза обыграть её всухую, один раз поддаться (и поймать её сердитый взгляд из-за этого), один раз действительно чуть не проиграть, но выйти в ноль, и, наконец, разгромно проиграть, когда Абла разгадала его тактику.

– Для *Идущего* ты хорошо блефуешь, – ухмыльнулась она, в который раз тасуя колоду. – Здешние *шемлехи* играют просто отвратно. Тебе удалось меня развлечь.

– Сочту за комплимент, – кивнул Вокс. – Так мы договорились?

– Ты сказал, что поможешь мне разобраться в шифре, – и тогда я верну тебе книгу.

– Точнее: ты мне её вернёшь – и тогда я обещаю помочь тебе разобраться.

Абла недовольно поморщила лицо.

– Говоришь складно, но всё ещё как городской *гайкх*. Где гарантии, что ты не обдуришь меня?

Вокс вздохнул.

– Мы ведь в сущности хотим одного и того же, Абла. Я хочу свою книгу, ты хочешь извлечь из неё пользу. Но если книга будет у меня, желаемого ты добьёшься быстрее. И все будут в выигрыше.

– Ну хорошо, – выдохнула Абла наконец. – Но никаких эбби. Обмен. И если вздумаешь меня обманывать – я узнаю и выпущу тебе кишки.

– Обманывать тебя не в моих интересах. Наоборот, если мы подружимся, – я мог бы подкидывать тебе неплохо оплачиваемую работу.

Глаза Аблы блеснули.

– Работу?

– Ты умелый боец. А такие всегда в цене.

Аблу разобрал смех.

– Работать на такого как ты?

– Только представь: я мог бы ежедневно надирать тебе зад в «четыре заточки».

– Знай свои пределы, Идущий. Я могу работать *вместе* с такими, как ты или Язай, но лучше я нырну в лужу мочи, чем буду работать *на* вас.

– Методы у нас с ним, может быть, и схожи, но я его сам лично не знал, – возразил Вокс.

– Расскажешь, каким он был человеком? А пока можем сыграть ещё раз, ночь впереди долгая.

После его слов Абла долго тасовала карты.

– Да я и не знала его толком. Скрытный был это *шемлех*, всё время строил козни и держался ото всех особняком. Я просила его найти мою сестру.

– Вас с ней разлучили?

– Можно и так сказать. В самом детстве. Я обратилась к Язаю, чтобы он поискал и поспрашивал своих. Мне говорили, что он, если захочет, он за хорошие деньги всю Эбботимию перевернёт вверх дном. И паршивец что-то узнал, говорил, что вот-вот сообщит мне – да не успел, его прикончили. В его книжке наверняка что-то да осталось. Так что ты, – прищуренный взгляд Аблы вперился в Вокса, – если хочешь свою книжку назад, поможешь мне в ней разобраться.

– Значит, вот почему тебе она так нужна была, – удивился Вокс. – А Дамир?..

– Что Дамир? У него были свои причины с тобой говорить.

– Значит, все эти вопросы про «Навар Гааби» правда его интересовали, а не были трёпом?

– А мне почём знать? – Абла пожала плечами. – Мы с ним вообще в порту случайно пересеклись, и он сказал, мол, знает информатора по кличке «Вокс». Куда ты дел Язая, и как

его книжонка попала к тебе в руки, мне на самом деле мало интересно. Я хочу только найти сестру.

– Тогда мне нужно немного больше информации. Где ты её видела в последний раз, обстоятельства пропажи, фамилия, принадлежность к дому, район, где вы жили...

На переносице Аблы проступила морщинка, причины которой Вокс вполне угадывал. Некоторые люди гораздо чаще пользовались грубой силой, чем собственным языком, а потому не любили излагать подробности своего прошлого. Особенно, если эти подробности были запутанными.

– Это произошло в детстве, – начала Абла медленно. – Я не помню, сколько мне было, может лет шесть, может и меньше. Но мы с Кали были ровесницами. Отец носил фамилию Латрис, и дом у нас был... большим. В какой-то момент что-то произошло и мы разорились. Я не знаю, что случилось с отцом, но в один вечер он просто не вернулся домой. Снаружи лил дождь, и к нам пришёл Инграм, наш родной дядя. Он часто к нам заглядывал. Он был очень беспокойным, вот это я помню, как сейчас. Инграм забрал Кали и пообещал, что чуть позже вернётся за мной. Я осталась ждать, а потом в дом ворвались люди и начали резать прислугу. Я кое-как унесла ноги и оказалась на улице. С тех пор я ничего о сестре не слышала.

Абла замолчала с недовольным видом. Обрыв её истории был как будто весьма продуманным: она рассказала ровно столько, сколько помнила о сестре, и ровно столько, сколько хотела рассказывать о себе самой, и ни строчкой более.

«Кали. Инграм. Латрис. Скрытый, как же тяжело без ведения записей», – подумал Вокс про себя, а вслух спросил:

– И ты пошла к Язая?

Абла рассмеялась.

– Ага, шестилетняя малявка просто так возьмёт и пойдёт просить помощи у информатора? Разумеется, нет. Я не знала, где живёт Инграм, но мне было страшно. Сперва мне нужно было выжить. На Язая я наткнулась лишь пару лет назад в портовой передраге, и подумала, что он может помочь мне найти Кали. А потом его убили, как только он что-то нарыл.

Достав записную книжку Вокса из внутреннего кармана куртки, висящей на стуле, она хлопнула ей о стол.

– Я верну тебе её, как только ты мне поможешь, *шемлех*, даю слово. Так что вперёд. Открывай. Читай. Ищи сколько потребуется. Только скажи мне, что узнал Язай.

Взяв в руки утраченную записную книгу, уже успевшую пропахнуть дешёвым пойлом и, кажется, потом от накидки Аблы, Вокс раскрыл её и погрузился в мутные записи своего предшественника.

Фамилия «Латрис» точно встречалась ему в записях ранее: выходцы из дворянского клана, в последнем поколении (к которому, судя по расчётам примерного возраста, принадлежал отец Аблы) насчитывалось около двенадцати наследников.

– Как звали твоего отца? – спросил Вокс, листая страницы.

– Рукер. Рукер Латрис.

Это имя в записях отыскалось и было подчёркнуто без всяких дополнительных пометок: логично, что Язай начал поиски с Рукера и его родословной. Стрелка от его имени вела вниз, к нескольким перечёркнутым пунктам: «Зав.Лот.», «Навр.насл.», «Кул.д.К.». Все три пункта, насколько помнил Вокс, были сокращёнными наименованиями специфических игорных заведений, соседствующих с борделями: «Заводь Лоттера» и «Кулон де Кай». Последний выделялся на фоне остальных: это было заведение для настоящих богачей, чрезвычайно престижное. Язай же обвёл его несколько раз: Вокс ясно представил, как информатор обошёл несколько заведений, и только в последнем нашёл какую-то зацепку.

– А ты умеешь развлекаться, Альфе! – рассмеялась звонким ручейком полураздетая танцовщица Ирене, игриво прикрывая картами, сжатыми в пальцах, самые аппетитные части её тела. – И где ты так научился?

Улыбаясь ей в ответ, Язай Вокс продолжил выкладывать на стол одну комбинацию удачных карт за другой. В игре в «заточку» ему равных не было, а местные работницы, одетые в узкие полоски шёлка, которые не столько скрывали, сколько подчёркивали нужные изгибы, становились только разговорчивее, когда клиенты их обыгрывали.

Сюда, в бордель «Кулон де Кай», не пускали абы кого, но у Язая везде находились удачные проходы. Здесь он был всем известен под личиной импозантного молодого коллекционера Альфе Риторио.

– Мой брат был заядлым игроком. Между прочим, одним из лучших в моём городе. Он обучил меня множеству премудростей... Но с вашей, Ирена, игрой мои навыки не идут ни в какое сравнение!

– Жгущий вы льстец, – хихикнула Ирене довольно. – Обыгрываете меня на моём же поле и осыпаете комплиментами. Я-то думала, что настоящие мужчины нынче редкость...

– О, поверьте, в «заточку» вся наша семья играет великолепно. Отец рассказывал, что за всю его долгую жизнь был лишь один человек, которого отцу не удалось обыграть ни разу: мол, был настолько удачлив, что держал в руках одни «золотые копы», и никак иначе.

– Но это же невозможно!.. – возразила Ирене, ловко тасуя колоду и собирая ещё одну комбинацию. – Я заточиваю.

– И тем не менее, так рассказывал мой отец, да упокоят Кенины его несчастную душу. Этого человека звали Инграм, и, Скрытый подери, как бы я хотел однажды схлестнуться с ним в «заточку».

– Инграм? – улыбнулась Ирене краешками губ, глаза её как-то странно сверкнули в приглушённом свете приватной комнаты. – Не Инграм ли Гурр?

– Честно признаться, не помню его фамилии, – пожал плечами «Альфе» с легкомысленной улыбкой, – но то, что не удалось моему отцу, я наверняка бы смог совершить. А к чему вы, дорогая, упомянули Инграма Гурра?

– А вы никому не скажете? – Ирене заговорщически понизила голос, наклонившись к нему через стол. Другой бы мужчина отдал бы целое состояние, чтобы лицезреть чудесный вид, открывшийся Язаю – но тот наклонился вперёд, прямо к лицу Ирене, заглядывая ей в глаза, словно гипнотизёр.

– Даю слово, моя дорогая, я нем, как могила.

Его шёпот действовал на молодых девушек завораживающе, так что даже Ирене, видевшая множество мужчин ежедневно, не смогла устоять, наклонившись к самому его уху и едва не касаясь его мочки пышными губами, томно произнесла:

– Инграм Гурр владеет этим местом.

– Ну что там? – нетерпеливо потопала Абла, хмуро наблюдая, как меняется выражение лица Вокса, когда он прослеживает ход расследования Язая. Информатор не ответил, поглощённый исследованием книги.

После посещения «Кулон де Кай» Язай сделал внизу страницы одну короткую пометку: «И. Гурр».

«А вот это уже интересно, – подумал Вокс, без труда припоминая, где ему встречалась эта фамилия. – Домом Гурр владеют весьма влиятельные политики, приближённые к Совету. Какой стремительный взлёт от борделей!»

Поодаль от их столика над барной стойкой разбилась вдребезги стеклянная кружка и послышались пьяные возгласы, но Вокс не обратил на это внимание, наткнувшись на следующие несколько заметок Язая. Особенно его внимание привлёк ряд инициалов:

«Инг. Гурр. – Анн. Шаль. – К. Ш.»

Запуганный человек в пенсне мелко дрожал, когда Язай положил перед ним удостоверение от имени Кинеска Рандиги, тайного казначея дома Октавира. Не было в этом здании хуже персоны, навестившей земляной реестр посреди бела дня, чем шпион дома Октавира. Кинеска Рандиги, личину которого сейчас примерил Язай, мог приходить в любое время, задавать любые вопросы и требовать любые документы, – и о его визитах работники реестра не имели права никому распространяться.

– Ч-что мы нарушили, господин Рандиги? – мелко дрожа, человек из реестра подобрал со стола документ. Язай холодно задрал подбородок, изображая надменность человека, имеющего дело только с высшим обществом.

– Пока что ничего. О моём визите запрещено знать всякому вне этого здания, это вам ясно?

– Ясно, как власть Кенина, господин Рандиги, – подобострастно поклялся работник.

– Вот и хорошо, – умело актёрствуя, Язай понизил голос, чтобы его мог слышать только напуганный человек. – Речь идёт о высших лицах города. Дом Гурр, по подозрениям моего начальства, может быть замешан в махинациях с городской казной. Дело касается конкретно отца семейства, Инграма Гурра.

– Что вы говорите!.. – прошептал работник.

– Пока что это лишь подозрения, мы не хотим разрушать ничью репутацию. Так что, по официальному поручению лица, желающего остаться неназванным, я прошу вас предоставить мне список всех заведений, которыми владеет дом Гурр, и конкретно Инграм.

– Но это займёт время... – пролепетал работник неуверенно.

Язай с размаху сел на шаткий стул возле его стола, деловито закинув ноги в лакированных туфлях на столешницу.

– Не переживайте. Моя работа также не терпит спешки.

...В течение двух с половиной часов перед «господином Рандиги» на столе образовалась стопка наспех созданных копий документов, исследуя которые, Язай отметил для себя много интересных вещей: например, что Инграм Гурр до сих пор получал долю с нескольких плантаций, некогда принадлежавших наследникам семейства Латрис, а потом перепроданных; что у него имелось несколько виноделен в разных частях города, что он сдаёт несколько крупных складов в порту. Однако самое интересное, разумеется, обнаружилось на последнем листе: совсем крохотная приписка, что Инграм Гурр числится совладельцем игорного заведения «Кулон де Кай» вместе со своей супругой Анпиной Шаль. Родных детей не числится, однако есть приёмная дочь, Калесса, которой после смерти Инграма должны перейти права на владение частью его собственности.

– Ну и ну, – с улыбкой качал головой «господин Рандиги», делая поспешные записи в собственной записной книжке, – как интересно вы, господин Гурр, устроились...

«Помнится, Инграм Гурр какое-то время назад действительно выступал на открытом слушании по какому-то делу... но неужели это тот самый Инграм, который забрал у Аблы сестру?» – ошеломлённо подумал Вокс, продолжая поиски.

Рядом с инициалами «К. Ш.» Язай вывел крошечный символ, напоминающий щит. Он никогда ничего не рисовал от скуки, тем и примечательна была его записная книжка: в ней каждая закорючка куда-то отсылала и имела значение.

«Что это может значить?»

Большие нигде на страницах этот маленький щиток не встречался... кроме одного места, где Язай описывал какие-то хитросплетения отношений портового «левого бережя» с несколькими людьми из Стражи – и как раз над именами этих людей и стоял такой же крохотный символ, напоминающий щиток. Значит, решил Вокс, он обозначает людей, которые состоят в Страже. Тогда осталось только понять, кто такой «К.Ш.», и как конкретно он связан с основными силовиками Эбботими, и с пропавшей сестрой Аблы.

Впрочем, очень скоро Вокс получил ответ.

– Значит, мир? – глава Левого Берега портовых, Шельм протянул руку в дружеском жесте. Гнест, глава Правого Берега, морщась, пожал её. Сделка была заключена: ради общего мира, стороны в этот момент простили друг другу случайное убийство рядового рабочего...

– Народ, там Стража! – крикнул кто-то, вбегая в ангар. Все Портовые, что были внутри, встревоженно переглянулись.

– Что им нужно? – спросил Шельм. – Мы же всё уладили, разве нет?

Гнест злобно посмотрел на стоящего поодаль Язая, который был тише обычного... но как-то особенно ядовито улыбался.

– Ты!.. – прорывал он, потянувшись за припрятанным за пояс ножом. – Ты сдал нас!

– «Сдал»?! – изумился Шельм, не понимая, о чём речь. Язай, стоящий поодаль, лишь развёл руками, широко улыбаясь:

– Я бы советовал тебе бежать, но... боюсь, уже поздно.

Двери амбара посрывало с петель тараном, и внутрь с обоих входов ворвались Стражи с оружием наперевес.

– Именем закона, никому не двигаться! – проревел звучный женский голос. Никто из замерших на месте Портовых так и не предпринял попытки к бегству: они были заперты, бежать больше некуда.

«А вот и наша потерянная дочь», – подумал Язай, отступая в тень, когда к Портовым с клинком наголо вышла крепко сложенная женищина. Доспехи скрывали очертания её фигуры, а глухой шлем не давал рассмотреть ни лица, ни волос, и тем не менее, звучный голос выдавал в ней молодую женицину.

Язай прекрасно знал, что это именно она, прежде чем Калесса Шаль вынесла свой приговор преступнику, которого кто-то так выгодно продал Страже, чтобы сменить баланс сил на Правом берегу.

– Я лейтенант Высшей Эбботимской Стражи, Калесса Шаль. Гнест Харва, – она обратилась к Портовому, который, даже несмотря на появление Стражи, всё равно не прекратил сжимать рукоять ножа, – ты обвиняешься в контрабанде, нескольких убийствах и работоторговле. Именем закона, ты отправишься со мной – или погибнешь прямо здесь.

– Шант-азай... – ошеломлённо выдал Вокс одно из непереводаемых местных ругательств. От догадки, к которой он пришёл, у него глаза на лоб полезли, а мозг чуть не взорвался. Он поднял глаза на Аблу, которая нетерпеливо постукивала пальцами по столешнице.

– Ну что там? – спросила она раздражённо. – Узнал что-то?..

«Узнал» – это мягко сказано. Если он нигде не допустил ошибки, если Абла правильно назвала имя человека, который забрал её сестру Кали, и, наконец, если Язай тоже нигде не ошибся, то за одним столом с Воксом сейчас сидела родная сестра Калессы Шаль – одного из высокопоставленных лейтенантов Стражи.

– Дай мне, пожалуйста, время поразмыслить, – выдохнул Вокс, устало откидываясь на спинку стула и поднимая глаза к потолку. Абла стукнула по столу кулаком.

– Сколько можно!!! Говори живо, что узнал! Где сейчас Кали?!

«О, поверь, ты будешь не очень рада узнать, что, возможно, «Кали» сейчас проводит очередной рейд, арестовывая или убивая твоих поделщиков».

– Скажи сперва вот что, – медленно произнёс он, – что ты намерена делать, когда найдёшь Кали? Ты установишь с ней связь?

Аблу этот вопрос удивил.

– Тебе какая разница, шемлех? Услуга за услугу, помнишь?

– От этого напрямую зависит, выживешь ли ты.

Она внимательно посмотрела в глаза Вокса, и тот увидел во взгляде наёмницы стальную решимость.

– У тебя уже нет выбора. Ты уже выдал, что что-то нашёл. Что Язай что-то нашёл. И ты не выйдешь отсюда живым, если я этого не узнаю, – в доказательство своих слов Абла выхватила из-за пояса нож и вонзила его в столешницу с громким стуком. – Говори.

«Впрочем, что мне с того, выживет ли она?» – подумал он устало. Представил, как скоро по улицам будут идти слухи, как сумасшедшую наёмницу прирезали, когда она попыталась даже не поговорить – просто подойти к лейтенанту Стражи, Калессе Шаль. Настолько ли Абла глупа, чтобы попытаться? Неясно.

Вздыхнув, он склонился над столом, понизив голос, так что из-за шума таверны Абле тоже пришлось к нему склониться.

– Твоя сестра – лейтенант Эбботимской Стражи.

В глазах Аблы что-то дрогнуло – а затем они резко сузились, как у змеи, и возле горла Вокса оказалось лезвие ножа.

– Что ты сказал? – прошипела она, заглядывая ему в глаза и, кажется, не в силах поверить услышанному. – Повтори, шемлех.

У Вокса перехватило дыхание, но тот, взяв себя в руки и сжав пальцами столешницу, прохрипел:

– Калесса Шаль... дочь... Инграма Гурра...

Секунды текли очень долго: Абла, лицо которой застыло в гримасе непонимающей ярости, изо всех сил пыталась связать в голове, что он ей говорит, и вместе с тем сдержаться, чтобы не перерезать ему горло на месте, забрав книгу.

– Моя сестра... дочь Гурра? – процедила она сквозь зубы, медленно убирая нож. Она, судя по её виду, прилагала много сил, чтобы заставить себя вернуться на место и дать Воксу продолжить. Тот, не сводя с неё глаз, потёр горло, на котором остался небольшой порез.

– Я всегда считала, что Инграм – брат моего отца. Что он тоже Латрис. Откуда вдруг Гурр?

– Здесь не написано, как он сменил фамилию, – медленно подбирая слова, ответил Вокс. – Но Гурр тайне владел заведением, в котором Рукер Латрис играл в последний раз – «Кулон де Кай». Гурр также был женат на женщине по имени Анпина Шаль. Он спрятал ото всех Кали, назвав Калессой и дав материнскую фамилию – Шаль. А Калесса Шаль сейчас...

– ...служит в Эбботимской Страже... – ошеломлённо закончила Абла. Редкий наёмник, часто бывавший в Эбботимии, не знал бы про жёсткий нрав лейтенанта Калессы. Превосходная фехтовальщица, не знающая равных, она устанавливала жёсткий порядок везде, где её назначали, была принципиальна и неподкупна, и никогда не шла на компромиссы. Среди Портовых она даже снискала прозвище «Железная Стражница».

«Не подумал бы, что у непогрешимой Калессы может быть такое прошлое, – Вокс потёр глаза: от обнаруженной информации голова натурально плавилась. – Наследница элитного борделя, дочь пьяницы, разорившего имение, ещё и сестра портовой наёмницы. А ведь если кто-то узнает... то Железной Стражнице конец».

– И что ты решила? – спросил он Аблу, как-то притихшую от всего рассказанного.

Подняв на Вокса глаза, та молча поднялась из-за стола, взяла плащ, накинула на плечи и двинулась прочь. Выйдя из шумной таверны, она исчезла с глаз, растворившись в темени ночных улиц и никому ничего не сказав.

Глава 4. Последствия и полискрипты

В свою комнату в «Приюте Джулама» Финдер вернулся уже поздно ночью, и, повалившись в кровать с тяжёлой от выпитого алкоголя головой, всё ещё сжимал в руках с трудом добытую записную книжку Язая, прежде чем провалиться в похмельный сон, не избавивший его, однако, от видений первых дней. Они снились Финдеру каждый раз, когда он смежал веки: тёплая, но бесстрастная улыбка Навиши, отстранённый взгляд Ша-ай и полное непонимание, где он оказался.

Так же, как и он, Ша-ай была пришельцей из другого мира, и попала на остров Кальда через Диагональ: таинственный разрыв в пространстве-времени, который с определённой периодичностью приводил в Эбботимию разных странников. Сразу после прибытия их принимал к себе Орден Кальда: закрытая организация, ответственная за адаптацию Идущих к жизни в Эбботимии.

Так что Финдер и Ша-ай несколько месяцев провели на занятиях, начинавшихся с самого утра и заканчивавшихся поздним вечером. Навиши, их бессменная наставница, обучила их местной речи, языку, письменности и счёту, и в какой-то момент Финдер даже смог установить на местном языке контакт с самой Ша-ай, которая также была Идущей.

Так же, как и Финдер, Ша-ай не помнила, из какого мира сюда попала и как именно. Но она стала ему кем-то вроде первого друга в этом незнакомом месте, где их обоих пока что держали то ли как заражённых опасной болезнью, то ли как странных зверушек для опытов. Финдер с интересом поглядывал на свою согруппницу, потому что по её внешности было сразу видно: они прибыли из совершенно разных миров. У Ша-ай была длинная тонкая шея, непропорционально огромные глаза с двумя вращающимися хрусталиками в каждом из них, тонкие губы, которых всё равно что почти не было, и вдобавок к этому её кожа была кое-где покрыта какими-то блёстками, чем-то напоминавшими редкие белые веснушки.

А ещё многие слова из своего родного языка Ша-ай никак не могла объяснить.

– Небо здесь, – говорила она, когда однажды ночью они с Финдером сидели на тесной открытой веранде их «училища», – усеяно этими огнями совсем как ша-а-эй.

От её прежнего языка голос сохранил тягучий, немного напевный «акцент». Было видно, что к местному языку Ша-ай привыкнуть крайне тяжело.

– Что такое эти твои ша-а-эй? – спросил Финдер без особого интереса.

– Это такие ша-а-и, живущие в... как это здесь объяснить? В ша-и-и.

– Невероятно.

– Язык Навиши беден, – вздохнула Ша-ай, понимая тщетность своих усилий. – Я не смогу тебе рассказать про всё, что помню. А помню я немного.

Они слегка помолчали. Финдер не был раздражён на свою подругу по несчастью: он и сам мог сказать ей то же самое. Мог сказать, что здешние камеры похожи на пустые офисы, – но как ей объяснить, что такое «офис», если он сам это помнит смутно? От этих размышлений голова раскалывалась.

– Как думаешь, что с нами сделают? – решил он сменить тему. – Тебе не рассказывали?

– Нет, – загадочно покачала головой Ша-ай. – Я знаю не больше тебя, Финдер.

– Тебя тоже осматривают?

– Да, каждый день. Я не знаю, что они ищут... или что они не находят.

– А Навиши? Ты не пыталась разговаривать с ней?

– Она самая большая загадка здесь, – Ша-ай ответила почти что резко. – И самая большая угроза.

– Угроза?

– От неё веет опасностью. Её улыбка отдаёт холодом. Я не решалась задавать вопросы, кроме занятий.

Сам Финдер ощущал от Навиши не большую опасность, чем от всего окружавшего их мира, где всё казалось странным, незнакомым и неправильным. В том числе и Ша-ай... но их хотя бы объединяло то, что они оба оказались в мире, где не понимали своего места, не помнили прошлого и не знали будущего.

Помимо навыков общения Навиши небольшими порциями преподавала двум своим ученикам общие основы местной географии и социального строя, из которых Финдер выяснил, что Эбботимия – центральный торговый узел королевства Низгорм, где активно ведётся торговля и «эбби», местная валюта, ценится выше всего остального.

Из-за близости Эбботимской Диагонали, в Эбботимии много Идущих, но по ряду причин им недоступны некоторые социальные функции: Идущий не может становиться учителем, политиком, врачом или инженером; не может подавать патенты на изобретения или основывать религию, не может вести пропагандистскую деятельность, касаясь чего бы то ни было, и не может вступать в брак с другими Идущими.

Услышав это впервые, Финдер почувствовал внутри какой-то лёгкий укол недовольства. Повернул голову в сторону Ша-ай, но по той сложно было сказать, что она в данный момент испытывает и нравится ли ей это.

– То есть, Идущим здесь вообще ничего нельзя? – спросил он Навиши. – Но почему?

– Это непростой вопрос, Финдер. Это продиктовано не нашими предрассудками и личной злобой, а историческим контекстом, к которому все Идущие имели непосредственное отношение.

– Кто-то из них что-то натворил в прошлом?

– Каждый из них в какой-то период времени что-то натворил. Поэтому возникла необходимость в регуляции. Поэтому существуем мы: Орден Кальда. Мы адаптируем вас, обучаем и готовим к тому, чтобы вы стали безопасными членами нашего общества, и принесли пользу городу, а впоследствии всему королевству.

– И как именно по-вашему мы будем приносить пользу, если нам такие профессии недоступны? – спросил Финдер урюмо. – Чинить сапоги вельможам и подметать улицы?

– Либо так, – на лице Навиши скользнуло что-то холодное; улыбка осталась та же, где была, но какое-то едва заметное движение губ выдавало, что она на секунду вышла из себя, – либо вы навсегда останетесь на острове.

– Шеф! Шеф!.. – донёсся голос сквозь мутную толщу сновидения. Финдер поворочал гудящую тяжёлую голову и кое-как приоткрыл один глаз (на втором всё ещё был синяк). Тут же пожалел, потому что под только что сладко смеженное веко проник нещадный солнечный луч.

– Шеф, просыпайтесь! – Синка нещадно его расталкивала. – Есть важные новости!

– Чт... чего... – Финдер кое-как издал ряд нечленораздельных звуков, прежде чем вновь провалиться в тёплую сонную темень, прямо под его одеялом. Он не знал, сколько пробыл там, снова успев уснуть, прежде чем ушат ледяной воды обрушился на него сверху, заставив вскочить с кровати и глухо взвыть. Голова раскалывалась, всюду пронизывал холод, одежда липла к телу, – зато, как бы подлю это ни было, спать теперь не хотелось совершенно.

Отплевавшись и дрожа, Финдер посмотрел на Синку, которая замерла перед ним с пустой бадьёй в руках. Нетрудно было догадаться, что именно её она только что опорожнила.

– Шант-азай вертих... – провыл он бессильно.

– Шеф, прежде чем вы скажете ещё что-нибудь мерзкое: это правда срочно. Сегодня ночью в лавке «Муши» убили торговца.

Сквозь холод ледяной воды, до Финдера кое-как дошёл смысл её слов. С неохотой он подумал, что, пожалуй, спешка Синки оправдана... и всё равно с досадой отвесил ей оплеуху.

– Ай! – взвыла та, прикрывая голову и отскакивая, роняя бадью на пол.

– Не смей больше так делать!.. – разозлился Финдер, каждая часть тела которого теперь кричала о дискомфорте, причём каждая о разном. – Скрытый тебя заberi, можно было просто подождать до обеда, пока я проснусь! Я всё равно не умею воскрешать людей!

– Так уже обед!..

– Выметайся! В смысле, иди в кабинет и жди меня там. И завари чай. Да покрепче.

Ворча про себя, что за такое ей явно недоплачивают, Синка выбежала из комнаты, а раздражённый до глубины души Финдер стал переодеваться, стараясь при этом игнорировать пустой желудок, со вчерашнего вечера не принимавший ничего кроме алкоголя, большую голову, тяжёлую, будто налилась свинцом, переполненный мочевой пузырь, срочно требующий опустошения, саднящий подбитый глаз, и кроме этого ещё и холод после очень недружелюбного пробуждения.

«Как же тяжело быть информатором...»

Финдеру потребовалось полчаса, чтобы привести себя в относительную работоспособность, умыться и переодеться. Грызло, что с синяком ничего сделать не получалось. Может быть, заглянуть в какой-нибудь косметический магазин или носить повязку, пока некрасивый синяк не сойдёт? Как бы то ни было, более-менее оживший Финдер ещё минут двадцать потратил, чтобы просто побыть в тишине и отомстить Синке за ледяные ванны: он знал, как она ненавидит сидеть и ждать.

Спустившись в зал таверны, где, как обычно, сидело несколько выпивох, он подошёл к столу, за которым компанию Синке составляли две кружки с чаем.

– Ну? – спросил Финдер, сделав несколько глотков из своей.

– Я уже всё сказала! – Синка скрестила руки на груди и задрала голову. – Я так спешила вам рассказать, а вы!..

– Ты сказала, что кто-то убит, – напомнил Финдер. – Расскажи подробнее.

– Владелец лавки «Муши»! Той самой, наводку на которую вы дали Дамиру!

Финдер какое-то время молчал, отпивая чай из кружки. В один момент его до сих пор сонный мозг будто перещёлкнуло.

– Так... погоди, – он закрыл глаза рукой, – а какого Скрытого они убили торговца? Речь же шла только о погроме...

– Это вы мне скажите! – возмутилась Синка. – Вы этих Портовых лучше знаете, чем я. Разве вы им говорили убивать кого-то?! Я не думала, что мы теперь натравливаем людей друг на друга!

«По сути, это именно то, чем Язай занимался. Просто это не всегда имело летальный исход, – подумал Финдер. – Но неужели, Дамир правда настолько идиот, что не только разгромил лавку, но ещё и убил торговца? Или его люди вышли из-под контроля? Или что-то пошло не так? Что торговец вообще делал в лавке посреди ночи?»

– В любом случае, проблем теперь не оберёшься, – стал размышлять он вслух. – Стража проведёт расследование, и теперь Муши точно усилят охрану своих заведений... но ещё и будет искать убийцу. Что гораздо, гораздо хуже для Портовых. А если узнают, что за этим стоит Дамир, у него могут выведать, что это я навёл его на лавку Муши.

«Идиот.»

Финдер стукнул по столу кулаком. В голову уже начинали лезть подлые мысли, что невиновный человек погиб по его вине, но он изо всех сил отгонял их: ничьё убийство в планы не входило, это должен был быть погром, каких за месяц на рынке происходит по несколько штук, так что виновников даже не ищут, знают, что у лавочников много конкурентов, да и рэкетиры

не дремлют. Убийство же торговца богатой лавки – дело очень серьёзное, и его просто так не замнут.

– Мы будем что-нибудь с этим делать? – спросила Синка осторожно.

– Воскресить убитого мы не сможем, его предполагаемый убийца – вернее, основной подозреваемый в организации покушения, – нам известен. В наших интересах сделать так, чтобы Стражи никогда не вышли на след Дамира, либо чтобы Дамир, если попадётся, ничего им не рассказал.

– И что, есть способы?

Финдер, раздумывая, постучал пальцами по обложке записной книги. Со вчерашнего вечера он узнал много интересного о Калессе Шаль, одной из высокопоставленных лейтенантов Эбботимской Стражи. Если именно она будет вести расследование, то можно надавить на неё с помощью информации об Инграме или Рукере, или даже об Абле. Вот только Калесса не единственный лейтенант Стражи в Эбботимии, и вместо неё могут поставить кого-то другого, тут не угадаешь. А на Дамира компромата не накопишь: у прожжённого бандита из Портовых и так всё на лице написано, бояться ему нечего, так что и угрожать нечем.

– А кроме Дамира друзей в Портовых у вас нет? – спросила Синка спустя минуту или две раздумий. – Кто-то типа его босса, который мог бы на него надавить и сказать “а-та-та! плохой Дамир! нельзя!”?

Финдер рассмеялся.

– У Портовых всё немного сложнее. У меня есть парочка людей, у кого я на хорошем счету, но Дамир не под ними ходит. Они все с Правого берега, а Дамир – с Левого.

– Что? С какого ещё берега?

– Точно, ты же не в курсе... – вспомнил Финдер. – Между собой Портовые делятся на два берега: правый и левый. Правобережные Портовые географически ближе к казармам Стражи, поэтому им выгоднее быть более законопослушными: если что, их быстрее защитят, либо быстрее прищучат – в зависимости от ситуации. Левобережные же от Стражи расположены дальше, а потому позволяют себе намного больше, и бандиты среди них встречаются чаще.

«Иронично, что зачастую левый берег живёт намного богаче», – мысленно добавил он.

– А та, что вчера на нас наехала, она с какого берега?

– Абла-то? Она наёмница, не из Портовых. Просто какая-то давняя знакомая Дамира.

– Судя по вашему похмелью, встреча прошла весело, и вас даже не пырнули? – Синка ехидно улыбнулась.

Финдер пожал плечами.

– Сыграли в «четыре заточки», и я помог ей с одним делом, заодно разжившись интересной информацией. В случае чего, она нам даже сможет пригодиться. Ладно, я что-то зверски голоден, так что идём! Прогуляемся на рынок, заодно посмотрим, сколько там теперь стало Стражи.

Книгу Язая он теперь, вместо того, чтобы носить за поясом, предусмотрительно оставил у себя в комнате, за матрасом.

Что-то, а усваивать уроки Финдер умел, как никто другой.

Глава 5. Немного о полискриптах

На Центральном рынке и так днём бывалолюдно, но сегодня, когда они только подходили, Финдер сразу понял, что день необычный. Народ был взволнован, а чем ближе был рынок, тем больше вокруг было людей в лёгких белоснежных латах, блики от которых на солнце резали глаза. Тем смешнее, думал Финдер, что эти люди называют себя Бронзовой Стражей, ведь бронзы у них – только небольшие декоративные значки на поясе, которые можно и не заметить, если не знать их функции.

«Бронза» была низшей ступенью Эбботимской Стражи, и занималась охраной правопорядка на улицах. Они проводили рейды, задерживали нарушителей, патрулировали улицы по ночам и заставляли соблюдать порядок. «Серебряная Стража» на улицы практически не спускалась: они все состояли в гарнизоне на стенах, неся там неустанный пост. Была, разумеется, и «Золотая Стража», высшая из всех: состоящие в ней воины охраняли непосредственно членов Совета, сопровождая их повсюду. Доспехи у всех были белыми, но, прожив в Эбботимии больше года, человек быстро учился понимать, кто идёт его арестовывать.

Как объяснял однажды Финдеру один Портовый:

– Если смотрит на тебя с подозрением – это Бронзовая Стража. Если смотрит как на говно – то Серебряная.

– А Золотая?

– А Золотая на тебя вообще не смотрит.

Лавку, где некогда продавались пряности, легко теперь было различить даже при условии, что Финдер её никогда не посещал. Это было обгоревшее одноэтажное здание, вокруг которого выстроились несколько Стражей, образовав заслон от зевак, которые пришли посмотреть на то, что осталось от магазина. Вытягивая шею, Синка тихо произнесла:

– А это точно можно назвать «погромом»?

Замечание было резонным: здание, судя по следам сажи, было буквально взорвано изнутри, и сейчас в обгорелых развалинах копошились Стражи, исследуя место преступления. Взрывчатка – мягко говоря, не самый типичный почерк местных погромов.

– Что здесь произошло? – Финдер изобразил беспокойное удивление, задав вопрос ближайшему зеваке, который ковырялся в носу. Человек вздрогнул, обернувшись.

– Что-что. Взорвали господина Наабо.

– А кто взорвал?

– А мне почём известно? – прохожий пожал плечами. – Молвят, Кенины покарали, что дорого продавал. Дешевле надо было.

– А какой Кенин отвечает за кару взрывами, Первый или Третий? – с любопытством влезла в разговор Синка. Только Финдер, давно с ней знакомый, смог различить в её тоне лукавую язвительность, но человек не нашёл, что ответить, что-то пробормотал и вернулся к ковырянию в носу.

– Пойдём пока по своим делам, нечего тут мельтешить, – сказал Финдер, принимая равнодушный вид и двигаясь по рыночному проспекту мимо того, что осталось от лавки пряностей. В обгорелых руинах действительно не на что было смотреть: пока Стражи в них копаются и что-то ищут, – не получится разобраться, что произошло.

Весь остальной Центральный рынок, несмотря на происшествие, был весьма оживлённым: владельцы лавок криками зазывали клиентов, в воздухе витала смесь самых разных ароматов – от фруктов и овощей до рыбы и пряностей, а от криков торгующихся за товары порой можно было оглохнуть. До сих пор не прошедшая с похмелья голова Финдера заболела с новой силой и он спросил у Синки, повернув к ней голову на ходу:

– Как думаешь, есть здесь аптекарская лав...

Он с кем-то столкнулся и машинально отпрянул назад:

– Прошу проще...

Финдер встретился глазами с женщиной, одетой в лёгкие белоснежные доспехи. Прямые светлые волосы опускались на плечи, а шлем закрывал щёки и лицо. Глаза из-под него, льди-сто-голубые, пронизывали суровым холодом, но не выдавали ни надменности, ни враждебно-сти. Не обязательно быть двух пядей во лбу, чтобы понять, что сейчас перед ним Калесса Шаль, лейтенант Эбботимской Стражи собственной персоной.

– Извините пожалуйста, – пробормотал Финдер осипшим голосом, делая ещё несколько шагов назад на всякий случай. Синка дёрнула его за рукав, недовольно шепнув:

– Аккуратнее!..

– Ничего, – холодно отозвалась женщина, и продолжила свой путь, как ни в чём не бывало, даже не глядя на него. А вот следующие вслед за ней громилы в таких же доспехах, кажется, едва удержались, чтобы не пнуть его хорошенько.

– Идущий, а куда идёт – не пырит! – один из них смачно плюнул Финдеру под ноги. – Глаза разуй!

Глядя вслед удаляющейся Страже, кажется, идущей на место преступления, Финдер изумлённо подумал, какая огромная пропасть лежала между Калессой Шаль и Аблой из-за того, в каких условиях они обе выросли. Обе, несомненно, были по-своему опасны, но одна – как кривой нож в руках агрессивного мясника, а вторая – как наточенная шпага, кончик которой уткнулся в твои рёбра. Калессе не нужно было даже меча доставать, чтобы Финдер почувствовал, какой властью она обладает. А ведь это только «Бронза»!

Многие, глядя ей вслед, благоговейно перешёптывались. Благодаря своей красоте и таланту фехтования, а также железному неподкупному нраву Калесса Шаль в Эбботимии была чуть ли не живой легендой. Финдер тяжело сглотнул, с сожалением осознавая, что однажды ему, возможно, придётся разрушить этот красивый живой монумент, продав его грязные секреты тому, кто побольше заплатит.

«Но ты ведь не такой человек, верно? – спросил его внутренний голос. – Ты не такой, как Язай. Ты можешь просто никому не продавать эту информацию.»

Как ни посмотри, в Калессе не было ничего дурного. Да, выросшая в семье владельца борделя, но выросшая сильной и благородной. С отцом-алкоголиком и сестрой-наёмницей в родне, но она этих людей и знать не знает, они ей всё равно, что чужие. Со всеми стартовыми данными Калесса могла закончить свою жизнь на улице или безбедно шиковать в том же «Кулон де Кай» благодаря деньгам Инграма – но она выбрала военную службу, выучилась фехтованию, стала лейтенантом Стражи, и явно не намерена почивать на лаврах.

«По-хорошему, сдать бы ей и Дамира, и Аблу, – подумал Финдер, продолжая путь. – Вот только она меня и слушать не станет. И не заплатит тем более».

– Это сама Калесса Шаль! – восторженно шепнула Синка, у которой аж глаза загорелись. – Идёт расследовать!..

– Да я уж понял, – буркнул Финдер. – Что о ней на улицах слышно?

– Много всего! – Синка принялась увлечённо перечислять, – Что взятки не берёт, что может по сердцебиению понять, врёт ли человек, что может выйти одна против десятых и всех прикончить, что однажды в одиночку убила последнего живого дракона, что сильна, как пять взрослых мужчин, что владеет древней магией. А злые языки болтают, что она выросла в борделе, что её отец пьяница, и что она проливает много крови, а власти это покрывают, чтобы сохранить её образ, и что она больше предпочитает общество девушек, чем мужчин... Но то всё завистники! Мелят что угодно, потому что завидуют, что Калесса такая сильная.

Синка явно восхищалась непогрешимым образом этой женщины, а вот по спине Финдера пробежал неприятный холодок при словах о пролитой крови, но он предпочёл отогнать эти

мысли прочь. Ведь доказательств этому пока что нет, да и действительно, мало ли что болтают на улицах...

– Добрый день! – громко и, пожалуй, излишне жизнерадостно возвестила Синка, когда они вошли в лекарскую лавку. В нос Финдера тут же ударил запах какой-то стерильной кислой химии. Шевельнулись в памяти какие-то отголоски, но он не смог понять, к чему они относились. Возможно, к его прошлой жизни... но сейчас не различить, на что был похож этот запах. Время от времени это с ним происходило, так что Финдер даже привык.

Небольшая лекарская лавка «Каприччин лист» сверкала чистотой: ровные ряды стеклянных бутылей стояли рядами чуть ли не по линейке, этикетки как на подбор были выровнены и точно подписаны, а склянки были отполированы до блеска, так что солнечный свет, проникавший сквозь окна, красиво на них отражался. За прилавком было пусто, но из внутренних комнат доносилось какое-то шевеление.

Пока они ждали продавца, Синка с интересом наклонилась к одной из склянок, тронув прикреплённую этикетку, чтобы прочесть получше:

– Средство от импотенции... Доктор Каприччин и таким торгует?

– Не трогайте, если не собираетесь покупать!

Немного нервный толстый человечек на голову ниже Финдера вынырнул из-за прилавка, ураганом пронёсся сквозь магазин, и поправил задетую Синкой этикетку, вернув её в прежнее положение.

– Пожалуйста, – добавил он слегка угрюмо, а затем широко улыбнулся сквозь великолепные и пышные седые усы. – Добро пожаловать, уважаемые, чем наша скромная лавка может вам... О-о-о, я вижу, – доктор Каприччин поглядел на лицо Финдера, и тот не сразу понял, что речь идёт о синяке под его глазом, – вижу-вижу, сударь, мы можем исправить это недоразумение во мгновение ока, хи-хи, пожалуйста, присаживайтесь сюда... – доктор пододвинул Финдеру стул.

Тот неуверенно сел на него:

– Мне бы вообще-то средство от похмелья...

– Так-так, где же это у меня... – доктор Каприччин, не слыша его, суетился за прилавком, и наконец выудил из-за него синеватую крошечную колбочку. Жидкости, которая колыхалась внутри неё, едва бы хватило, чтобы полностью окунуть кончик одного пальца, но доктор с большой осторожностью откупорил её и поставил на стол. Затем, звеня ящиком, выудил на свет мелкий шприц с тончайшей иглой и, протерев его всё так же суетливо, наполнил его жидкостью без остатка.

– Горд сказать, что этот прибор для инъекций изобрёл мой внучатый племянник! – сообщил доктор Каприччин, подходя к Финдеру и пальцем оттягивая заплывшее синяком веко вниз. В другой руке он сжал шприц с голубой жидкостью и медленно поднёс его, примериваясь.

– Инъекция будет вам стоить двадцать четыре эбби, – сказал он торопливо, и прежде чем Финдер успел возразить, что синяк не так и сильно его беспокоит – как его глазницу прошила такая резкая вспышка боли, что, казалось, тонкая достала до самого центра мозга и уколола прямо в это ядро. Финдер едва успел выдохнуть, как игла уже вышла из синяка, и Каприччин положил на стол пустой шприц.

– Ау! – воскликнул Финдер, схватившись за глаз. Боль от укола постепенно утихала. – Что за...

Спустя несколько секунд он почувствовал, как заплывший глаз постепенно легчает, и он уже может открыть его полностью, увидев изумлённый взгляд Синки.

– Затянулся! – воскликнула она поражённо, подняв брови. – Ваш синяк исчез, шеф!

– Разве я когда-нибудь обманывал? – довольно хихикнул доктор Каприччин, выпячивая пухленькую грудь. – Новейшее средство! Вещество заживляет поражённые гематомой ткани, ускоряя процесс восстановления кожных клеток. Имеются незначительные побочные эффекты

вроде синего насморка или поноса – увы, я пока не нашёл способа безболезненно выводить вещество из организма...

«Да и вводить его безболезненно у тебя тоже пока что не получается», – Финдер, однако, не знал, чувствовать ли ему недовольство или благодарность: ощупывая собственное лицо, он понимал, что синяк, нанесённый Дамиром, действительно зажил в мгновение ока. Он почти открыл рот, чтобы сказать, что пришёл за средством для похмелья, но решил, что не хочет ещё один укол и ещё несколько неприятных побочных эффектов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.